

РОМАН ТИТОВ

# ТЕМНЫЙ ИСТОК

Гробницы пустоты

16+

Темный исток

Роман ТИТОВ

**Темный исток. Гробницы пустоты**

«Автор»

2019

## **Титов Р.**

Темный исток. Гробницы пустоты / Р. Титов — «Автор»,  
2019 — (Темный исток)

Продолжение приключений братьев-детективов, на свою беду согласившимся помочь даме в беде. В прошлый раз Риши и Мекету Динальтам удалось одолеть зловещую Майру Метару и ее верного помощника Аргуса, однако не все так просто. Аргус сбежал и теперь строит новые планы, чтобы захватить Риши и использовать его скрытую силу в своих темных целях.

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

# Роман Титов

## Темный исток. Гробницы пустоты

*«Вселенная – это иллюзия.*

*Тени – ключ к ее пониманию.*

*Лейры – дверь, которую открывает этот ключ.*

*Тени – ключ нашего сердца.*

*Мы – сердце иллюзии.*

*Мы – Вселенная!»*

*Кодекс Адис Лейр*

## Глава 1

### Кто боится Риши Динальта?

*«Со своими страхами лучше всего бороться в одиночку».*

Тот, кто это сказал, наверное, был безумен.

Я стоял напротив небольшого куска тщательно отполированного металла и разглядывал собственное отражение в надежде распознать первые признаки перемен – рожу покривее, зубы поострее, – в общем, что-нибудь, из-за чего гордая Майра Метара превратилась в скулящее и трясущееся от ужаса создание. Но видел лишь себя прежнего, разве что с ухмылкой пошире. В глазах вроде бы что-то скрывалось: там, на глубине болотной зелени будто промелькнуло нечто дикое и безумно опасное. Промелькнуло и исчезло.

Тень? Быть может.

Живая Тень. Исток.

Так называла меня погибшая Метара, так назвала меня и Тассия Руэ. Но что это значило, я до сих пор не мог уяснить. Для них я был лишь вышедшим из-под контроля экспериментом, ожившим големом, чей потенциал они даже не смели предсказать. А что в итоге? Шаманке достало и ума, и смелости, чтобы признать ошибки. Но великая лейра Метара захотела все исправить. И чем за это расплатилась? Собственной жизнью, разумеется.

Кто я?

Убийца, вот кто!

Чудовище. Монстр во плоти. Слабак, позволивший прежде дремавшим инстинктам взять верх. Размазня, который не может справиться с чувством вины и оттого бросается на амбразуру.

Но так ли все однозначно?

Я показал зубы отражению. Надеялся, выйдет улыбка, а получился оскал. Снова. Попробовал прислушаться к внутреннему голосу, чтобы хоть там найти подсказку. Но тот молчал.

Будто нарочно.

И только страх продолжал свою скромную деятельность, медленно, но упорно разъедая душу и превращая в нечто черное, вязкое и отвратительное до дрожи.

Еще раз столкнувшись с не то испуганным, не то озлобленным взглядом, я понял, что вот-вот сорвусь. Проклятый ящик снова ожил, плотно пригнанная, но незапертая крышка задрезжала, тварь внутри захотела прогуляться.

Стиснув зубы, я постарался утихомирить буяна. И вроде бы даже получилось. По крайней мере, яростных дребезжаний, переворачивавших все внутри, больше не ощущалось. Но вот надолго ли? Кто знает.

Страх – штука коварная. Заиграешься, и проглотит, опомниться не успеешь. Но как быть, если приходится бояться самого себя? Что, если не знаешь, когда сорвешься в следующий раз, и кто при этом пострадает? Кто-нибудь мудрый наверняка ответил бы на эти вопросы. Но все знакомые мудрецы предпочли либо самоустраниться, либо сделать вид, будто ничего не происходит. Самому же мне разобраться во всем мозгов не хватало. А потому приходилось ждать последствий.

Ждать и разгребать.

Осточертев самому себе до тошноты, я отвернулся и, оглядев свою каютку, малость обалдел.

Я и не заметил, что пока любовался бледной рожой в отражении, ботинки, щетки, книжки, старинные космические компасы и прочая незакрепленная мелочь устроили между

собой догонялки. Поднявшись в воздух, они, будто подхваченные невидимым и неосязаемым вихрем, плавно двигались вокруг единого центра тяжести – меня самого.

Что это? Новый способ Истока намекнуть о жажде свободы? Или знак, что все мои попытки совладать с самим собой – бессмысленная возня?

Тассия Руэ говорила, будто Исток – не что иное, как проекция подсознания на плоскость моего «я». Что это не какое-то там тайное чудище, посаженное на короткий поводок, а самая настоящая часть моей души, которую нужно просто признать. Признать и принять. И я был бы даже не против этого, вот только не мог смириться с тихим настойчивым голоском, постоянно требовавшим крови.

Сигнал о выходе из гиперпространства разорвал тишину на лоскуты, заставив меня вздрогнуть. И почти в тот же миг из встроенного в переборку динамика донесся как обычно раздраженный голос старшего брата:

– Мозголом, бегом наверх! Мы на месте.

Отложив успевший стать привычным ритуал самобичевания, я влез в шлепанцы и, нога за ногу, поплелся в рубку. Все, что до сих пор парило в воздухе, посыпалось на пол.

Нервно хмыкнув, я исчез в проходе.

– С добрым утром, – саркастически бросил Мекет, стоило выбраться из лифта.

Рубка тонула в полутьме, слегка рассеиваемой алыми индикаторами приборной панели, и в каком-то смысле служила брату убежищем и точкой для медитаций, нежели его собственная каюта. Даже сейчас, занимая место пилота, он выглядел так, будто давно сроднился с кораблем.

Молча прошмыгнув к креслам навигатора, я пришвартовался к одному из них. Мекет сделал выводы.

– Смотрю, ты не особо в настрое. Никак снова в бреду?

– Отстань.

Брат даже не думал оборачиваться, но по моему голосу мгновенно определил неладное и заметно насторожился:

– Все в порядке?

Я посмотрел на лохматый затылок и едва удержался, чтобы не прыснуть. Видел бы он все то, что творилось со мной в логове Желтого Малыша, такие вопросы бы не задавал.

– Как всегда.

Мекета этот ответ устроил, а меня – его реакция. Брат и раньше не особо любил плутать в дебрях моей психики, а после всех приключений растерял всякий интерес. Недавние события на Дей-Прим служили тому лучшим доказательством. Едва придя в себя после ранения, он даже не потрудился спросить, как умерла Майра Метара. Просто принял событие как данность и к теме не возвращался.

Щелчок.

За лобовым иллюминатором резко сменилась палитра. Сверкающая мрачными красками вуаль спала и на ее месте образовалась черная и всепоглощающая пустота космоса.

Хотя не совсем черная и не такая уж пустота.

Прямо напротив нас блестела россыпь техносфер, подобно колонии полупрозрачных спор, облюбовавших орбиту вдоль внешнего края астероидного пояса Кодда Секундус. Некогда один из самых процветающих миров Рукава Маса, планета не пережила взрыва скопления плазмы под собственной корой. Катаклизм, случившийся из-за чрезмерного стремления местного правительства обогатиться. В итоге все, что осталось от населения – группка выживших, которая теперь ютилась в орбитальном лагере над вывернутым наизнанку планетоидом.

Я потянулся за инфопланшетом, чтобы свериться с данными. Вызванная на дисплей справка гласила, что около двух десятков лет назад колония еще подпадала под риоммскую программу помощи пострадавшим, но позже проект свернули. В чем причина такого реше-

ния, не уточнялось. Но инфосеть, как обычно, наполнилась версиями. Самые правдоподобные утверждали, будто Риомм счел проект слишком дорогостоящим, и единственное, на что потрачено, – строительство сети временных убежищ с относительно сносными условиями для жизни. А ведь давно известно, что нет ничего более постоянного, чем нечто временное. Так оставшиеся без дома обитатели Кодда Секундус расселились по техносферам, где потихоньку деградировали, превращаясь в полуголодных и жадных до чужого барахла дикарей.

Чудовищное положение внутри колонии никого не волновало. Антисанитария и радиация уносили жизни пачками. Жестокие нравы и отсутствия хоть малейшего контроля стали причиной роста преступности. Контрабандисты и пираты облюбовали станцию как место, где без оглядки на безопасников можно творить свои темные делишки. Некоторые напрямую измывались над бедными поселенцами, но встречались и те, кто изо всех сил старался помочь, снабжая колонию провизией и медикаментами.

И вот одного из этих добродетелей мы и должны были отыскать.

Скомкав изображение, я спрятал планшет за пазуху и обратился к брату:

– Ты точно уверен, что та штука действительно у этого Д'юмы?

Негромкое рычание, донесшееся со стороны пилотского кресла, прозвучало красноречивее всяких слов.

– Ты меня за кого принимаешь? Думаешь, из любви к трудностям в эту дыру лечу?

Осмыслив сказанное, я заметил:

– Если честно, то ты и не такие трюки выкидывал.

Мекет удивился, даже оглянуться изволил:

– Это что, шутка?

– А я разве смеюсь?

Брат, снова отвернувшись, вбил несколько команд и направил «Ртуть» вдоль крайней из сфер, ища свободный для стыковки рукав.

Несмотря на более чем удручающее положение, в котором обитали местные жители, пренебрежительно называемые риоммцами *коддас*, от звездолетов в причальной зоне было не протолкнуться. И все благодаря антиимперским настроениям, которые в здешнем краю проявлялись особенно остро. Местные не просто не любили Риомм. Они его всей душой ненавидели. Так что с завидным гостеприимством принимали у себя всех, кого нынешний режим не устраивал. Только чудо и крайняя осторожность местных горе революционеров уберегали это незначительное скопление от глаз Серой Стражи и судьбы разрушенной планеты под ногами.

Выторговав себе местечко у одного из причалов, Мекет пристыковал к нему «Ртуть» и в своей излюбленной манере взялся за предварительный инструктаж:

– Я иду первым, ты не отстаешь. По сторонам не смотришь, вопросов не задаешь.

Я не удержался:

– Вопросов? Каких?

– Никаких! – рявкнул он, пока я давил ухмылку. – Будь словно тень. Чем меньше народу там внутри обратят на тебя внимание, тем лучше.

Прикинув, что к чему, я задался наиболее логичным, на мой взгляд, вопросом:

– Может, мне тогда лучше тут посидеть? Поваляюсь, книжку там почитаю...

Но братец, почуяв насмешку, прищурился.

– Нет, ты пойдешь. Одна пара глаз хорошо, а две – лучше. Будешь прикрывать спину, если что.

Это заявление удивило.

– Если *что*? Я думал, мы не замышляем ничего противозаконного.

– А мы и не замышляем. – Мекет выудил из небольшого отделения сбоку от консоли широкополую шляпу. Нахлобучив ее на голову, взялся проверять боеготовность пары бластеров, притороченных к поясу. Очевидно, в необходимости носить оружие у всех на виду что-то

было. – Но быть готовым к неожиданностям не помешает. От этих обожравшихся солей идеалистов ждать можно чего угодно. Каждый спит и видит, как взрывается Риомм, и у каждого за пазухой спрятано не по одному грязному секрету. Эти секреты они готовы защищать так же отчаянно, как мамаша своего ребенка. Так что лишний раз на рожон лучше не лезть. Только Д'юме с ними и удастся ладить. Но как именно – загадка даже для меня.

Вопрос о том, кто же этот самый Д'юма такой, на повестке не стоял. И это не значит, будто я не пытался его внести. Просто Мекет всякий раз, стоило мне завести тему об очередном космическом проходимце, водившем тесную дружбу с Желтым Малышом, неизменно избегал ответа. Как будто боялся сказать лишнего. Или, что более вероятно, переживал о том, как бы мое отношение к этому подозрительному дядечке не повредило будущей сделке. А уж сделку-то он тщательно планировал. Хотя я бы не стал сбрасывать со счетов, что побег Ди Аргуса превратил брата в параноика. А может...

Я призадумался, искоса глянув на широкую мекетовскую спину. Вновь вспомнилась жуткая до нелепости сцена гибели Метары, отчего едва затихшее внутри меня темное нечто незамедлительно поскребло о крышку ящика. Мекет не видел, как умирала лейра, потому что в тот момент находился в отключке. Стараниями ее наперсника он был тяжело ранен и крайне эффектную сцену пробуждения Истока пропустил. С другой стороны, вовсе не дурак, брат и без особого напряжения мог сообразить, что к чему. Но чувствовал ли во мне угрозу? И если да, то как далеко готов был зайти, чтобы ее предотвратить?

Пока вопросы терзали разум, я переобулся в ботинки с загнутыми носами, схватил бластер и, прицепив к поясу, поспешил за братом. Если уж предстоит разобраться во всем, то делать это лучше по ходу пьесы, в которой у меня роль не то пажа, не то злодея.

– И да, – бросил Мекет, прежде чем скрыться в пуповине стыковочного шлюза. – По ту сторону гравитации нет. Так что будь осторожней.

– Как нет? – Я так и замер с открытым ртом.

– Да запросто. Обиталище считалось временным, так что никто не собирался его облагораживать. Так и получилось. Но ты ведь уже бывал в невесомости, верно?

Сглотнув подступивший к горлу ком, я вяло кивнул:

– Бывал. Только ты все равно мог бы заранее предупредить.

– Не бойся. Дельце не займет много времени.

Хотелось бы верить.

Переход через тонкий и невероятно хрупкий на вид шлюз-ползунок показался прыжком с трамплина в кучу дерьма. Глубокую, черную и отвратительно пахнущую.

– Фу-у-у! Что за вонища?!

– Добро пожаловать в трущобы коддас, – ответил Мекет с усмешкой. – Дом, который построил для беженцев Риомм. За что они ему безмерно благодарны.

Я уставился на брата с открытым от изумления ртом. Впрочем, не только поэтому, – иначе дышать здесь было попросту невозможно.

О том, что станция совсем не курорт, я знал и раньше, но даже в самых жутких кошмарах не мог вообразить подобного ужаса. То были не просто трущобы, а натуральный гадюшник! Мусорная свалка. Самая что ни на есть. Только посреди открытого космоса, где чистый кислород по идее должен стоять на вес золота, а любые отходы утилизироваться и не пропадать зря.

Братец, кажется, оценил выражение моего лица, потому что заметил:

– Ничего. Скоро привыкнешь.

Кое-как справившись с рвотными позывами, я выдавил:

– Что-то сомневаюсь. Ты раньше бывал здесь?

– Мельком. И говоря откровенно, не очень-то ждал возвращения.

– Могу себе представить.

Мекет проплыл через захлавленную, точно лавка старьевщика Зулы с Глосса, малую сферу к узкому лазу, занавешенному куском драной ветоши. По моим прикидкам проход должен был вывести к основным помещениям станции.

– Тут что, следить за порядком не принято? – Простейший вопрос заставлял внутренне кипеть от возмущения. Насколько сильно может деградировать разумное существо, чтобы согласиться добровольно прозябать в подобном кошмаре?

Мекет не раздумывал над ответом.

– Никому это не надо. Ныть, жаловаться и требовать помощи от кого бы то ни было намного проще. По крайней мере, так считает большинство коддас, а те, кто ими управляет, не видит серьезных причин что-то менять. К грязи и нищете здесь привыкли. А на залетных парней, вроде нас, смотрят с подозрением.

Это было хорошо заметно по местным обитателям, парящим у гнойниками вздувшихся на стенах палаток и провожавшим нас полувраждебными взглядами. Тощие физиономии горели азартом, и непонятно, то ли ограбить нас хотели, то ли сожрать.

– Рот не разевай, – предупредил Мекет и, перехватив меня за запястье, подтолкнул в нужном направлении. – Ты же не на экскурсии, чтоб пялиться. Да и раздражает это, сам должен понимать.

– Однако им это не мешает пялиться в ответ, – негромко возразил я и, как казалось, вполне справедливо. Тот, кто не любит, когда суются в его личное пространство, должен с уважением относиться к чужому.

А Мекет и не спорил.

– Да. Вот только мы с тобой здесь гости. Зато они – нет. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Я проводил скрывшегося за очередным переходником брата долгим взглядом, слегка поразившись столь откровенной осторожности, прозвучавшей в его словах. Только комментировать никак не стал. В конце концов, рассуждая о двусмысленности правил приличия, он был по-своему прав. Да и я не стремился к неприятностям. А потому, пожалев о невозможности спрятать лицо под капюшоном, молча проследовал к центральной сфере, где нас и ожидал Д'юма.

Тут надо бы добавить, что с того момента, как переплыл шлюзовой затвор, я не только сходил с ума от невыносимого смрада, но и чувствовал некое ментальное давление, чье происхождение бралось откуда-то извне. Казалось, будто вокруг затевается нечто злое. Притом никак не связанное с враждебностью коддас. Словно отдаленное и слабое эхо, которое улавливалось лишь благодаря тому, что я оказался весь из себя такой необычный.

На всякий случай я спросил:

– Ты ничего не замечаешь?

– Например?

Я попробовал описать ощущения, но с удивлением обнаружил, что не могу их сформулировать. Словно весь словарный запас вдруг исчерпался, а на его месте остались лишь предлоги и междометия.

– Такое чувство, будто у нас под носом что-то творится, и это «что-то» ничего хорошего нам не сулит... – Поежившись, я добавил: – Паршиво как-то.

Оглянувшись на миг, Мекет проговорил:

– Ну да. Разве мы это уже не выяснили?

– Да я не о том!

– А о чем же? – Но едва задав этот вопрос, он сразу осекся, правильно все истолковав. Его лицо вмиг помрачнело на несколько порядков. – Я же сказал: не делать ничего, что привлекло бы к нам лишнее внимание!

– А еще ты сказал, прикрывать твой зад. Чем я и занимаюсь.

Брат, выставив перед собой указательный палец, приблизился ко мне вплотную и прошипел:

– Имелось в виду, что ты будешь вести себя тише воды, ниже травы, а заодно приглядывать за местными. Я хоть и смирился с твоими чудачествами, это не значит, будто их надо использовать направо и налево.

Я отплыл примерно на полметра и, удостоверившись, что поблизости никого нет, так же тихо осведомился:

– Во-первых, почему нет? А во-вторых, кто сказал, будто я обязан подчиняться твоим приказам? Время, когда ты мог свободно мной помыкать, давно прошло. Кроме того, если до тебя еще не дошло, то я далеко не всегда в ответе за все плохое, что творится вокруг. Некоторые вещи случаются сами по себе, и меня об этом никто не спрашивает.

Мы ступили на очень опасную тропу и Мекет это хорошо понимал. Было видно, какие усилия ему приходилось прикладывать, чтобы подавить естественный порыв затеять очередную ссору.

Совершив несколько глубоких вдохов, он намного более спокойным тоном проговорил:

– Риши, сейчас не самое подходящее место для подобного разговора. И время, кстати, тоже.

– Чего и я тебе пытаюсь втолковать. Чую, что все здесь будто на взведенном детонаторе. Один малейший толчок – и станция, фигурально выражаясь, запылает ярче, чем планета, вокруг останков которой она дрейфует.

Как бы там ни было, но к этим словам Мекет отнесся серьезно.

– Уверен?

– Еще как! – убежденно кивнул я. – Чего бы тебе ни понадобилось от Д'юмы, скорей забирай это и уходим. И, кстати, что это? Ты так и не сказал мне.

– Верно. Не сказал.

Я выдержал паузу, однако ответа не последовало.

– Ну? И что же это?

– Как только придет время, узнаешь.

Громко фыркнув и закатив глаза, я постарался отделаться от маленького назойливого пегатта<sup>1</sup>, вдруг приставшего ко мне с просьбой «отсыпать деньжат на опохмел». Пошарив в кармане, я наскреб несколько риммкоинов и высыпал в его мозолистую трехпалую ладошку. Увидев риоммские монетки, пегатт скривился, но деньги принял.

– Напрасно, – обронил Мекет, когда попрошайка уплыл.

Я закатил глаза.

– Что на сей раз не так?

– Теперь он раззвонит всем, что с тебя можно кое-что стянуть, и местные начнут липнуть стаями.

– Ну а что мне следовало сделать? Прогнать его?

Мекет ответа не дал.

– Просто имей в виду, – проворчал он, – что ни один твой поступок не останется без последствий.

Я фыркнул. Вот уж о чем можно было и не напоминать! После всего, что произошло на Дей-Прим, я только и делал, что ждал последствий.

Одна грязная сфера сменялась другой. Количество попрошаек, цеплявшихся за стены и потолок, росло. Как росло и число тех, кто был не прочь пожить за счет воровства, из-за чего приходилось вдвое тщательнее присматривать за оружием и кошельком.

---

<sup>1</sup> Пегатты – низкорослые инсектоиды с планеты Пегатт-IV. Отличаются гуманоидным сложением тела и крупной головой с парой больших фасеточных глаз. Крайне чувствительны к ультрафиолету.

Особенно за кошельком.

– Долго нам еще тащиться? – простонал я, не в силах терпеть. – У меня уже голова кружится от вони.

Брат отозвался:

– Недолго. Но как только окажемся на месте, закрываешь варежку и делаешь вид, будто ты часть интерьера. Усек?

Я оглядел заляпанные то ли кровью, то ли блевотиной, а кое-где изъеденные плесенью внутренности орбитального притона и с тяжким вздохом произнес:

– Как скажешь. Но мы хоть не заблудились?

Мекет промолчал. Вместо него ответ дал вооруженный человек, неожиданно выпорхнувший из темного угла.

– Уже на месте. – Тыча дулом бластера в лицо моего брата, этот довольно кровожадного вида длинноногий и длиннорукий тип жаждал наживы. – Ну? Чего уставился? Бабки гони!

– Это и есть причина твоих предчувствий? – поинтересовался у меня Мекет, не шибко впечатленный оружием, которое едва не упиралось ему в нос.

Я не ответил.

Все еще оставаясь чуть позади и сбоку, я мог наблюдать за развитием событий, не особенно рискуя попасть под огонь. За собственное оружие я так же хвататься не спешил, решив предоставить Мекету сомнительную честь разобраться с вымогателем самостоятельно.

Брат продолжал смотреть на направленный в его сторону бластер с легкой полуулыбкой, как будто не совсем понимал, что все это означает.

– Эй, чучело в шляпе, ты глухой, что ли? – прошамкал стационарный обитатель. Он был довольно молод и, судя по всем внешним признакам, вырос при слабой гравитации. Что, по сути, не делало его менее опасным противником.

– Нет, я очень хорошо тебя слышу, – откликнулся Мекет, небрежным движением сдвинув шляпу на затылок. Как она при этом умудрилась не подняться в воздух, осталось загадкой.

– Тогда не тяни резину, – скалясь уничтоженными цингой зубами, бросил коддас нетерпеливо. – Давай, раскошеливайся! Не то тебе и твоему дружку достанется по дополнительному глазу.

Нелепая угроза вкупе с не менее нелепой попыткой ограбления не могла не вызвать нервной улыбки и на моем лице тоже. Глупая шутка. Не более. На что вообще он рассчитывал, планируя свою никчемную выходку? Или принял нас за простачков?

– А ты чего скалишься, мелкий? Я кажусь тебе смешным?

– С определенной точки зрения, – вежливо и совершенно спокойно отозвался я, не считывая особо на то, что он поймет истинный смысл моих слов.

Так и получилось. Нет бы здраво оценить ситуацию, но нервный коддас оцетинился, взвизгнул и, качнув бластером в сторону, без предупреждения нажал на спуск.

Раздался негромкий хлопок, и синяя вспышка осветила темный коридор. Но это меня не испугало. Потому что произошло все чересчур быстро.

Помню только, как в промежутке между двумя ударами сердца, из потаенных глубин всплыл Исток, и как висок обдало жаром просвистевшего мимо выстрела. Слово пространство вокруг само искривилось, заставив плазменный заряд обогнуть мою голову и врезаться в переборку за плечом, не причинив никому вреда.

Повисла немая пауза.

Рожа грабителя, выпучившего глаза, стремительно меняла цвет, как будто не знала, какой лучше подходил случаю. Что скрывать, я и сам был шокирован не меньше.

Постепенно осознание реальности все-таки просочилось в затуманенный наркотиками рассудок и кое-как сформировало там идею. Открыв рот, коддас произнес одними губами: «лейр». А затем повторил так, чтобы можно было слышать:

– Лейр. Лейр! Здесь гребаный лейр!..

## Глава 2

### В некотором роде

Коддас, нервно перебирая руками за оттяжки, пытался к выходу и все продолжал орать, как будто надеялся, что на его вопли стекутся другие. Взгляд свой при этом он продолжал держать на моем лице и то ли из страха, то ли в ожидании еще какой сверхъестественной выходки совершенно выпустил из внимания Мекета. Поэтому даже не заметил, как тот придвинулся вплотную к горе разбойнику и резким ударом по руке заставил выронить бластер. Коддас только и успел, что хлопнуть пару раз глазами, прежде чем брат – сама невозмутимость – выхватил собственное оружие и выстрелил ему прямо в сердце. Короткая вспышка, болезненный вздох, запах паленой тряпки да пара капелек крови, смешанных с дымной стружкой, сочившейся из обуглившейся дыры – вот и все, чем дело закончилось. Я едва дух перевести успел.

Тем временем Мекет, аккуратно подхватив убитого под руки, отволоч его в густую тень у дальней стены и затолкал между парой нерабочих световых панелей под самым потолком. А когда управился, тот сразу же набросился на меня с громким шепотом:

– Это еще что за херня только что была?! – Ноздри широко раздувались, глаза сверкали от ярости – воплощение праведного гнева.

Не ожидая столь бурной реакции, я невольно отпрянул и с недоумением вытаращился в ответ:

– Я-то что сделал?

Казалось, голова брата сейчас взорвется.

– А ты не понимаешь?! – прошипел он. – Я ведь сказал, никаких фокусов! А если б здесь еще кто-нибудь оказался? Представляешь, что было бы, узнай коддас, что на борту завелась нечисть?

Я не сдержал смешка.

– Нечисть? Ты это серьезно?!

Мекета перекосило.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я!

Само собой. Вот только услышать хотел вовсе не это.

– Ты застрелил разумника! Полагаю, невинным его не назовешь, но как ты за это оправдаешься?

Брат даже моргнул от изумления. Казалось, будто я заговорил на языке древних лейров. Он фыркнул.

– Ты сейчас посмеялся, Мозголом? Оглянись! Здесь всем плевать на смерть. Тут каждый день по несколько трупов находят, и никому дела нет до того, кто их оставил. Но то, о чем я волнуюсь, намного важнее всего этого. Я думал, ты понял это, когда мы покидали Дей-Прим.

Я, разумеется, знал, что мой старший брат далеко не святоша, однако столь циничного отношения к чужой жизни даже от него не ожидал.

– Сдается мне, – проговорил я, – ты понятия не имеешь, как все обстоит на самом деле.

– Ты так считаешь?

Его вопрос заставил меня пересмотреть в памяти момент, когда скрытая в ящике сила уберегла мое лицо от возможности столкнуться с плазменным зарядом.

– Именно. Но я тебя не виню. Ведь даже Тассия признала, что далеко не во всем разобралась.

Имя шаманки подействовало на Мекета как микстура. Лицо его тут же свело судорогой.

– Не говори мне об этой старухе, – отрезал он, пряча бластер назад в кобуру. Оттолкнулся от стены и поплыл дальше.

– Знаешь, Мекет, а ведь она тебе жизнь спасла, – напомнил я, стараясь не отставать.

Тот тряхнул головой и пониже опустил свою шляпу.

– Я ее об этом не просил.

– Все верно. Зато просил я.

Услышав последнюю фразу, брат резко затормозил руками о переход и снова развернулся лицом, из-за чего я едва не столкнулся с ним лбом. Сощуривав карие глаза, он поинтересовался обманчиво мягким тоном:

– И что же эта старая тварь потребовала взамен?

Я сглотнул.

Проще всего было сказать правду. Но признаться в том, что позволил еще глубже втянуть себя в историю с Тенями, язык не повернулся. Внутреннее чутье подсказывало, кое о чем Мекету лучше не знать. По крайней мере, до тех пор, пока не разрешится более злободневная загадка, связанная с Аргусом и его кровавым побегом из лап вооруженных сил Тетийской Федерации.

– Я не услышал ответа, – сказал брат, выждав немного.

Я невинно захлопал глазами.

– Мы разве не торопимся найти этого Д'юму?

– Зубы мне заговариваешь?

– Вовсе нет. – Я был сама искренность.

Но брат не купился.

– Заговариваешь.

– Вовсе нет. Ты сам всю дорогу талдычил о том, насколько это важно – найти его как можно скорее!

Он усмехнулся.

– Ладно. Но мы еще посмотрим, кто кого.

Я не стал возражать. Лишь незаметно и с облегчением перевел дух. Полностью расслабиться, правда, не дал труп, оставленный позади, но в этом вопросе я в кои-то веки решил положиться на мнение брата. До тех пор, пока он уверен, что контролирует ситуацию, мне не следует дергаться.

И только внутренний голос, подобный негромкому эху, неустанно твердил: одним убийством здесь не обойдется.

Преодолев очередной короткий туннель, мы очутились среди настоящих джунглей посреди космоса. Буйная растительность, призванная снабжать техносферы кислородом, расплзлась по периметру пузыря, опутав его прозрачные изогнутые стенки густым ковром зелени. Недоставало только птичек, порхавших от ветки к ветке. Запах тут был поприятнее, да и в целом все выглядело ухоженным.

Впрочем, это не лишало меня чувства реальности. За нами наблюдали. И очень внимательно.

– Д'юма, выходи, – сказал Мекет, остановившись в центре сферы и подняв руки ладонями вперед.

Не зная, стоит ли следовать его примеру, я решил не менять положения, на случай, если придется хвататься за бластер.

Впереди раздвинулись ветки деревьев, и в прорехе показался длинный ствол лазерного ружья. А следом послышался и голос, низкий и сиплый:

– Динальт, ты, что ли?

Несмотря на совершенно недружественный жест, Мекет, в отличие от меня, не выказав и капли напряжения, заговорил весело и бодро, будто к старому другу на огонек заскочил:

– Так точно, Д'юма. Это я.

Небольшая пауза разделила его ответ с очередным вопросом:

– А рядом кто?

После секундной заминки Мекет пояснил:

– Братишка мой. Младший.

Некоторое напряжение, прозвучавшее в его словах, а также пристальное внимание, исходящее со стороны зарослей, заставили меня напрячься.

И, кажется, не меня одного.

– Вот оно как? – Голос Д'юмы, все еще не рисковавшего высовываться из-за кустов, сделался подозрительным. – Не тот ли это парень, что устроил тарарам на Дей-Прим?

Благоразумия ради я промолчал.

– Слухи о его участии сильно преувеличены, – заметил брат.

На что ему быстро возразили:

– Были бы это слухи.

Было очевидно, что последнюю фразу сказал не Д'юма, однако проще от этого не стало. Посмотрев по сторонам, я обратил внимание, что справа и слева, а также сверху и снизу, между нестройных зарослей плодоносных кустарников и конструкций, к которым все эти насаждения крепились, притаился некто куда более опасный, чем обыкновенные беженцы.

На всякий случай толкнув Мекета в плечо, я указал на засаду.

– Я знаю, – спокойно кивнул он и снова обратился к той части зарослей, из-за которой выглядывало дуло винтовки: – Мы сюда не на разборки пришли. С кланом Феб я больше дел не имею, а Риомм, сам знаешь, меня вообще не касается. Я тут по другому вопросу.

– У-у-у, – многозначительно протянули из-за кустов, – догадываюсь, по какому.

Что-то в его тоне заставило мою скрытую сущность раздраженно встопорщить шерсть, а это, в свою очередь, привело к тому, что моя ладонь легла на рукоять бластера.

– Оставь оружие, малец, – посоветовал Д'юма. – Ты и твой братец не в том положении, чтобы затевать перестрелку. Семеро храбрых наемников сейчас держат вас обоих на мушке. Даже если ты попытаешься вытащить бластер, тебя тут же изрешетят.

Понятия не имею, о чем в этот момент подумал Мекет, но самого меня накрыло столь лютой яростью, что даже удивительно стало, как моя кожа при этом не запылала.

Впрочем, дать волю праведному гневу мне было не суждено, поскольку Д'юма прибавил:

– Но чтобы не показаться совсем уж обмудком, замечу: все мы здесь знаем, что ты и без бластера можешь доставить нам всем неприятностей. Так что не будем вести себя как дети, идет?

Титаническим усилием воли заставив себя убрать пальцы с бластера, я проговорил:

– В таком случае, может, вам все же выйти на свет?

Я не ожидал, что он последует совету, но все именно так и вышло. Торчащая между ветками винтовка исчезла из виду, а на ее месте нарисовалась широкая физиономия. С длинным курносым носом и заостренными ушами, торчащими выше абсолютно гладкого лба, она напоминала даго-гоблина из старой сказки о потерянной линзе. Только в отличие от своего сказочного прототипа, доброжелательность реальному Д'юме была чужда.

– О тебе уже начали шептаться в подворотнях, малыш, – заметил контрабандист, хитро прищурившись, и не спеша выплыл из тени целиком – низенький толстячок, затянутый в грязно-серый рабочий комбинезон и португую.

Едва явление свершилось, его примеру последовали и те, кто наблюдал за нами из зарослей. Слова о том, что на Д'юму работал целый отряд суровых боевиков, оказались правдой. Чудеса да и только.

– Никогда не любил собирать сплетни, – сказал я на всякий случай.

Д'юма хрюкнул. Или хихикнул? Разобрать было сложно.

– Охотно верю. Охотно. Только разве не сплетни вас двоих сюда привели?

Пожав плечами, я собрался было возразить, но Мекет опередил меня вставив:

– В некотором роде.

– В некотором роде? – сквасился Д'юма. – И что это должно означать?

– Только то, что ты, как сам говоришь, хорошо знаешь, – сказал брат. – Нам нужен инфочип Малыша. И, если ты не против, я бы хотел его получить как можно скорее. Мы очень спешим.

– Так вот в чем причина твоего появления? Любопыственно... – пропел Д'юма, хотя несмотря на свои слова, удивленным совсем не выглядел. – А с чего ты взял, что эта штучка у меня?

– Да брось, старый пройдоха. Всем известно, что у тебя с Желтым Малышом была особая связь. Она доверяла тебе, как никому другому. Оттого и все тайны, собранные на той пластиковой крошке, оставила. На хранение, так сказать.

Д'юма почесал третий подбородок пухлой когтистой лапкой и осклабился.

– Какая неоригинальная теория, Мекет. От кого, от кого, а от тебя я ждал чего-то помудренее. Или думаешь, будто ты первый, кому такая мысль пришла в голову, а?

Но братец не смутился.

– До теорий мне дела особого нет, дружище Д'юма. Как, в общем-то, и до тонкостей твоих взаимоотношений с Малышом. Все мы долгое время кормились с одной миски, и каждому есть что порассказать друг о друге. Но мне сейчас недосуг вспоминать о былых чудных временах, поэтому давай ближе к делу. Я знаю, инфочип у тебя, и хотел бы его получить. – Выдержав короткую паузу, Мекет добавил с ухмылочкой: – Если ты не против, конечно.

– Не так быстро, *дружище*. – Последнее слово Д'юма выделил особенно четко. – Я не отрицаю нашу с тобой былую славу. Но ты сам плюнул в миску, о которой так удачно упомянул. Своими постоянными утайками ты испортил жизнь всем, кто по-доброму относился к тебе. А сейчас ждешь, что я пойду тебе навстречу? Ты как чума. Все, к чему ни прикоснешься, погибает. Смерть следует за тобой по пятам, Динальт.

Мекет ненароком оглянулся, но встретил только мой растерянный взгляд. Было видно, слова Д'юмы его задели. И, чуял я, гораздо глубже, чем он готов был признать.

– Эй! В том, что Малыш убита, моей вины нет!

– Прямой, быть может, и нет, – признал Д'юма. – Но косвенно ты ответственен за это. Не отрицай.

Мекет утомленно вздохнул.

– Если я признаю свою причастность, тебе полегчает?

– Да меня, в сущности, не очень-то волнует, признаешь ты чего-нибудь или нет. Меня беспокоит, что, даже зная правду, ты поступил так, как поступил. Серые стражи идут за тобой. И мне не нравится, что они могут нагрянуть сюда.

Мекет нарочито громко фыркнул.

– В этот гадюшник? Я тебя умоляю! Только ты можешь цацкаться с коддас. Всем остальным на них уже давно плевать. Кроме того, я слишком хорошо заметаю следы.

Д'юма с последним утверждением согласился, но неохотно:

– Ты-то, может, и заметаешь. Только рыскают серые по Галактике не за тобой, а за твоим, так называемым, братцем. – Его тяжелый въедливый взгляд сосредоточился на моей скромной персоне. – И уж поверь, таких как он, эти парни умеют находить.

Я бы мог и не вздрагивать. Слова контрабандиста открытием не стали и внутренностей моих не перевернули. О том, что Серая Стража, лишившись своей предводительницы, все усилия бросит на поиски того, кто ее уничтожил, догадался бы и малолетка. Что меня по-настоящему заботило, так это тот фоновый гул, что не переставал трепать мои нервы с самого прилета на станцию, а теперь еще сделавшийся вдвое настойчивее.

Подплыв к брату, я шепнул ему:

– У меня нехорошее предчувствие. Закругляйся уже.

У Дюмы оказался удивительно тонкий слух.

– Тоже брезгуешь разумниками, которым некуда податься?

Твердо выдержав его инквизиторский взгляд, я отрицательно качнул головой.

– Нет. Хотя меня и выводит из себя вся эта вонь и грязища. Но дело в другом.

– И в чем же? – Контрабандист не выглядел заинтересованным, лишь пренебрежительно выпятил нижнюю губу.

Поразмыслив немного, стоит ли выкладывать все без обиняков, я переглянулся с Мекетом. Тот никак не прореагировал. Тогда я и сказал:

– Помимо этих бедняг, здесь есть кто-то еще. Кто-то гораздо опаснее, чем все ваши бойцы вместе взятые.

Предсказание ожидаемо позабавило Дюму. Он даже хрюкнул от восторга.

– Что, правда? Неужели настолько все страшно? И когда нам ждать нападения, не подскажешь?

Вокруг раздалась разрозненная смешки. Само собой, всерьез мои слова никто воспринимать не собирался.

Это разозлило. Обведя скалящиеся лица убийственным взглядом, я процедил:

– Еще бы. Прекрасно гадаю по внутренностям обнаглевших ублюдков.

Все ухмылки будто протуберанцем смело. Наемники напрялись и крепче сжали свои карабины. Мекет тоже напрягся. Казалось, сейчас что-то произойдет...

Но вдруг громкий гортанный смех контрабандиста разорвал звенящую тишину.

– А ты, пацан, забавный, – проблеял он отсмеявшись. – И, похоже, тебя лучше не злить, а? Узнается динальтова порода. Вы и правда неплохо вместе спелись, Мекет. Мое уважение.

– Спасибо, – немного скованно кивнул брат. – Это что-нибудь меняет?

Толстяк ненадолго задумался.

– Полагаю, да, – наконец сказал он. – Милости прошу в мою палатку. Временное пристанище в чрезвычайные дни. Там-то мы все как следует и обсудим, согласны? В конце концов, где это видано, чтобы гостей, пусть даже незваных, держали на пороге, не предложив им разделить трапезу?

Идея отвезти что-либо в этом гадюшнике мне не понравилась сразу же, и я поспешил вежливо, но твердо возразить:

– Благодарю, мы неголодны.

Одарив меня самым серьезным из своих взглядов, Дюма веско проговорил:

– Отказа я не приму.

## Глава 3

### Доверие должно быть обоюдным

– Почему вы сидите в этих трущобах? Что вами движет? – поинтересовался я, когда четверть часа спустя мы (я, мой брат и сам Д'юма) зависли над крышкой круглого стола, привинченного к полу личной палатки контрабандиста тросом. Чтобы не порхать по неопределенной траектории, приходилось упираться коленями в специальный обруч под столом.

Хозяин угощал травяным чаем, подававшимся в прозрачных пластиковых шарах. Посасывая через трубочку терпкий горячий напиток из листьев ламма, выращенного в здешнем гидропонном саду, я ощущал себя аборигеном, что несколько нервировало. В конце концов, мы же сюда не чай распивать явились. Но, стоило признать, подобного угощения прежде пробовать мне не доводилось.

– Что движет, спрашиваешь? – пробормотал Д'юма задумавшись. – Оглянись, малыш. По-твоему, что движет коддас, обитающих здесь? Любовь к экстриму?

– Им деваться отсюда некуда, – качнул головой я. Слишком сильно хлебнул чаю и обжег небо. – Но не вам, Д'юма.

По обстановке, пусть и весьма скромной, было видно, что палатку используют в качестве постоянного жилища уже не один год. Два инфопланшета торчали в специальных держалках, рядом стопочка электронных книг, инструменты, за одну из множества гибких петелек по периметру палатки цеплялись мешки с одеждой, личными вещами, травами и необходимыми для готовки мелочами, ну и спальное место – мягкая капсула на застежке. Не очень-то в духе космического бродяги, о котором рассказывал Мекет.

– Я лишь стараюсь помогать бедным коддас по мере сил. Только и всего, – ответил он.

На мой вкус не вполне убедительно.

– Чистый альтруизм?

Д'юма присосался к трубочке.

– А почему нет? Почему всегда надо ждать, что кто-то возьмет и сделает что-нибудь хорошее? Почему нельзя сделать это что-то самому? Ты, пока добирался до меня, приметил кого-нибудь конкретного, среди всей серой массы бездомных, ютящихся в латаных-перелатанных палатках?

Я промолчал. И не потому, что ответ был отрицательным.

Но Д'юма расценил это по-своему.

– А все оттого, что нищета – она безлика, – вымолвил он, утерев пухлые губы рукавом. – Особенно нищета коддас. Ты видишь, в какой обстановке им приходится существовать? Когда-то Кодда Секундус была провинцией Риомма, питавшей их и без того жирную тушу своей плазмой. Это был ценный мир. До того, как произошла катастрофа. И что сделала империя в благодарность? Просто впихнула выжившим сеть техносфер и помахала ручкой – удачи, мол. Вся цивилизованная Галактика в курсе, что техносферы – это временное жилье. В них даже не предусмотрены гравигенераторы. О радиации я вообще молчу. С каждым оборотом вокруг местного солнца слой защиты постепенно выгорает. Придет день и его вообще не станет. И куда тогда деваться коддас из этого загона?

Меня слегка покорило от того, насколько фальшиво и претенциозно прозвучали его слова. Почесав переносицу, я спросил:

– Почему никто не поможет им перебраться на какую-нибудь планету или луну? Да даже астероиды сейчас сплошь и рядом переделывают в дома.

Контрабандист хохотнул, да так резво, что чуть собственный чай с шаром не выпустил.

– Думаешь, все так просто?

Я похлопал глазами.

– Риомм еще не прибрал каждый уголок этой Галактики. В космосе полно незаселенных миров. Вы могли бы подыскать что-нибудь подходящее. Или даже выкупить. Но вместо этого просто тратите огромные деньги на поддержание здешнего уклада. Это какая-то трисилева услуга.

Д'юма осклабился:

– Я не знаком с этим Трисилем, малец. Может статься, отличный был типчик. Но вся загвоздка в том, что Риомм совсем не хочет, чтобы коддас отсюда куда-то делись.

– Что? – удивился я и перевел взгляд на молчавшего все это время брата. – А почему?

Мекет как всегда сморщился, но промолчал.

– Потому, – пропел Д'юма, – что империи выгодно выставлять себя благодетельницей. Коддас здесь уже несколько лет болтаются, будто дерьмо, которое никак не смыть, а Сенат продолжает трепаться о том, сколько сил тратит на помощь местным бедолагам. Думаешь, кого-то там на сияющем Риомме устроит, если вся эта возня немедля прекратится?

– А почему нет? Разве это не снизит затраты и все такое?

– Не будь наивным. Там только болтают о суммах, которые тратятся на поддержание техносфер. На самом деле все до последней ломаной монетки оседает в карманах сенаторов и лоббистов, которые всю эту схему и затеяли.

– Тогда я тем более не понимаю, что держит всех этих людей здесь. Давно бы сбежали, и дело с концом.

– Риомм не помогает коддас, как я уже сказал, но это еще не значит, что он за ними не приглядывает. Раз в четверть оборота вокруг местного светильника орбиту сфер пересекает акаш. Не сблизается и на связь не выходит. Но одного его появления достаточно, чтобы вся местная братия забила в норы и тихонько ждала, когда напасть минует.

– Жуть какая-то, – признался я.

– Вот именно! – кивнул контрабандист, стукнув кулачком по столешнице. – Жуть. И еще какая! Коддас накрепко заперты в этом гадюшнике. И пока Риомм не передумал, единственный их выход – нищенствовать и молиться.

– И кому же они молятся? – поинтересовался Мекет, впервые за время скромной трапезы открыв рот не для того, чтобы отпить чаю.

– Всем богам, каких знают, – заявил Д'юма с убийственной серьезностью, – потому что больше им не на кого рассчитывать.

– Не на кого, кроме тебя, очевидно, – заметил брат.

Отпустив шарик с чаем, Д'юма уставился на него.

– Ты, Динальт, пытаешься мне польстить или нагрубить?

На что Мекет ответил с не самой искренней улыбкой:

– Думаю, всего понемногу. – Перехватив в воздухе едва не сбежавший чай, он вернул его Д'юме со словами: – За всей этой болтовней об угнетенных беженцах, мы упустили из виду настоящую причину нашего появления. Меня не интересует, насколько ты сроднился с коддас. И каким героем они все тебя считают – тоже. Мы оба знаем, что ты на самом деле за фрукт, а потому даже не надейся, что я позволю завербовать братишку в твою унылую конторку.

Поперхнувшись чаем, Д'юма закашлялся.

– С чего ты взял, что он вообще мне нужен? – поинтересовался контрабандист, пытаясь утереть выступившие на глазах слезы и не смотреть в мою сторону.

– Кончай уже, – бросил Мекет.

Д'юма сразу как будто сник, чем удивил меня сверх всякой меры. Я и не подозревал, что у брата на него такое влияние. Или это очередная игра?

– А чего это ты за него решаешь? – внезапно спросил контрабандист, указывая на меня пухлым пальцем. – Что, если он сам решится?..

– Не решится.

– На что не решусь? – попробовал уточнить я.

Мекет без капли энтузиазма пояснил:

– На священный поход Д'юмы против Риомма, который он уже затевает гнарк-его-знает-сколько лет. Или ты думаешь, он просто так из тебя тут слезу выжимает? Этот хитрый хрен давно мечтает, чтоб империя захлебнулась в крови, но все никак не подгадает хорошего момента. А местные – это так, способ развязать конфликт. Да он плясать будет, если однажды Риомм действительно вдарит по коддас.

– Это правда? – изумился я, уставившись на пухлого контрабандиста.

Тот с кислым видом отозвался:

– Твой братец – большой любитель все упрощать. Да, я не поклонник империи. Однако это не значит, будто готов жертвовать несколькими тысячами коддас, лишь бы надеть Риомму трусы на голову.

И все же он не признал, что не планирует вытворить нечто подобное в будущем.

– Вот что тебе стоит усвоить, пацан, – сказал Д'юма. – Первое, что ты сделаешь, когда вернешься на свой блестящий кораблик, отправишь провонявшие шмотки в утиль и примешь душ. Этим же бедолагам такой роскоши не видать как своих ушей! Я уже не говорю о нормальном сне при стандартной гравитации и горячей еде. Об этом тут и мечтать забыли. И если парочке лоснящихся от устриц политиканов придется немножко понервничать из-за того, что я и мои парни попробуют сделать что-нибудь шумное, что ж, я считаю, невелика беда. Потерпят. Как все мы терпим.

– Смотри не заиграйся, – бросил Мекет. – Ты не хуже моего знаешь, какими мелочными бывают риоммские чинуши.

– Тебе-то что, Мекет? – откликнулся Д'юма. – Ты к Риомму привязан так же, как небесный прыгун к земле. Сегодня ты здесь, завтра – там. На одном месте не удержишь. Я слышал, как ты наподдал тому серому стражу. На твоём фоне, я для них просто пустышка.

– Это пока. К тому же у Риомма всюду уши.

– А у меня тоже! Старый Д'юма еще способен учуять, откуда и куда дует солнечный ветер. А здесь так и подавно. Заранее знаю, кто и когда чихнет. Пусть даже чихотой страдает истинный лейр.

– Я уже сказал, что я не лейр.

Но на мои слова внимания не обратили.

– Поэтому ты так страстно заинтересовался Мозголомом? – спросил брат сощурившись. – Увидел что-то, что пришлось тебе по душе?

Плотоядная улыбка расцвела на физиономии контрабандиста.

– Да брось, Мекет, ты прекрасно знаешь, что я не питаю слабости к смазливym молоденьким мальчикам, пусть даже с таким экстравагантным прозвищем.

– Только к их экстравагантным способностям, – вставил брат. – Ты прав, я очень хорошо тебя знаю. И потому моим ответом будет «нет». Ты понятия не имеешь, с чем пытаешься связаться.

Это заставило Д'юму продемонстрировать мелкие заостренные зубки.

– А мне кажется, имею. Я, знаешь ли, с Желтым Малышом делил не только постель...

Невольно представив себе этот неординарный дуэт, я чудом удержался, чтобы брезгливо не поморщиться. Вышло бы не очень красиво. К тому же внимательные глазки Д'юмы в этот момент как раз пристально за мной наблюдали.

– А можно без подробностей? – попросил Мекет.

Миниатюрный герой-любовник снова осклабился и спрятался за чайным шаром.

– Извольте. Все это я говорю к чему? Мне, знаешь ли, тоже ведомы кое-какие из ваших общих тайн.

– Так это ты даешь пищу тем слухам, что распускают пираты? – Мекет звучал чуть ли не обиженно. – Им всего-то пришлось искать новый притон, вместо разнесенного Дей-Прим.

– Слегка приукрашиваю, – скромно потупился контрабандист. – Да и то лишь для того, чтоб у определенных людей не сложилась истинная картинка событий. А сказки ведь все любят. Особенно такие, в которые трудней всего верится.

Под его изучающим взглядом я снова ощутил неловкость и дискомфорт, что донимали меня при первой встрече. Я нутром чуял, Д'юма что-то замыслил, притом с явным замахом на мое непременно участие. Стоило ли добавлять, насколько мне это не льстило?

Решив чуть изменить русло беседы, я поинтересовался:

– Что это, кстати, за инфочип, о котором вы столько болтаете?

Брат и контрабандист переглянулись, затем Д'юма проговорил:

– Кое для кого это почти такая же мифическая вещь, как Игла Дживана. В кругах контрабандистов и инфоброкеров нет тех, кто не мечтал бы ею обладать. Это чип, на котором собраны все данные обо всех сделках и операциях, что провернула Желтый Малыш за свою насыщенную событиями жизнь. И их участниках, разумеется.

Это меня не сильно удивило. Учитывая род деятельности Малыша, ждать от нее чего-то подобного было логично. Экстравагантная дамочка с не менее экстравагантным именем за свой век могла нажать немало влиятельных врагов, у которых хватило бы и сил, и упорства, чтобы постараться избавиться от той, что слишком много знает. Малыш это наверняка понимала и таким незатейливым способом обезопасила себя. Другой вопрос, зачем все это Мекету? Чего он там надеялся найти? Или наоборот, хотел стереть кое-то, способное открыть о нем нечто еще более неприятное? Сейчас, когда вся Галактике в курсе, что Малыш мертва, спрос на чип с секретами, должно быть, взлететь до космических высот. Как и интерес тех, кто мог захотеть припомнить моему братцу его прошлые делишки. В уме сразу же всплыло звучное имя клана Феб и лицо их очередного главаря Треззлы...

– Что ты хочешь там найти, Мекет? – напрямик спросил я.

– Это мое дело, а не твое, – откликнулся он, скомкав пластиковый шарик и отправив его в свободный полет. – А ты, Д'юма, лучше назови свою цену, и я выкуплю чип у тебя.

Д'юма хитро прищурился и опять потер округлый подбородок.

– Ты, видно, и впрямь располагаешь солидной суммой, раз так спокойно позволяешь мне ставить условия. Или этот инфочип тебе и вправду очень нужен...

– Мои финансы – мое личное дело.

– Ты абсолютно прав, дружище. Кроме того, чип все равно не продается, так что и говорить об этом нечего.

Удивление, отразившееся на лице брата, казалось неподдельным. Похоже, он рассчитывал, что уговорить Д'юму будет несложно. Даже переспросил:

– Что значит не продается?

Улыбка контрабандиста из ехидной превратилась в загадочную.

– Уж и не знаю, как прозрачней выразиться. Нет значит нет, приятель. – Поковырявшись кончиком кривого ногтя в зубах, он заметил: – Впрочем, всегда есть возможность договориться.

Мекету тон Д'юмы не понравился, и это было видно по тому, как заходили желваки на его скулах.

– Слушаю твое предложение.

Д'юма расцвел и довольно быстро затарахтел:

– Я хочу, чтобы ты отправился в систему Бойджия и достал для меня кое-что оттуда. Вещь небольшая, и с ее поисками особых трудностей не будет. Однако же, она весьма ценна

и достаточно хорошо охраняется, чтобы ее невозможно было забрать так просто. Выкупить ее тоже нельзя. Только выкрасть.

– Боиджия? – Я чуть не поперхнулся чаем. Неужели не ослышался? Но потом до меня дошел основной смысл слов контрабандиста, и вся заинтересованность мигом схлынула. – Не буду я ничего красть. В жизни не брал чужого и впредь не собираюсь. Мекет, скажи ему!

Но Мекет почему-то не спешил возражать карлику.

– Что за вещь? – спросил он нахмурившись.

– Образец растения.

– Тебе что, зелени здесь не хватает? – брат ткнул пальцем в сторону выхода из палатки.

– Это непростое растение, Мекет, – откликнулся Д'юма. – Это *минн*.

– Не слышал о таком.

Зато я слышал. Вернее, читал, когда, по своему обыкновению, штудировал заметки Батула Аверре о лейрах. Там говорилось и об этом удивительном растении, служившим боиджийским племенам аборигенов способом не только выживать среди смертоносной флоры и фауны планеты джунглей, но даже противостоять Теням лейров, что в разы удивительней. Заметки намекали, будто к созданию минна приложили руку некие могущественные сущности, некогда царствовавшие во Вселенной. И теперь это самое растение понадобилось Д'юме. Притом настолько, что ради него он был готов распрощаться с легендарным инфочипом. Хотя, как по мне, мог бы просто продать шутовину и нанять профессиональных воров, а то и сразу армию для переворота своей мечты.

– Что вы собираетесь с ним делать? – спросил я.

– А ты знаком с минном, верно, малыш? – ничуть не удивившись этому факту, проговорил Д'юма. – Оно и понятно. Такие, как ты, просто обязаны знать о нем.

Очередной намек на мои «необычные способности» заставил вспыхнуть. Как могут они рассуждать о вещах, которых даже не понимают?! И как может Мекет делать вид, будто такие разговоры в порядке вещей?!

Ценою невероятных усилий я взял себя в руки и постарался улыбнуться:

– Если вы думаете, что я добровольно соглашусь сунуться к тамошним аборигенам только ради того, чтобы добыть вам комнатный кустик, то вы еще более отбитый на голову фанатик, чем мой брат. Всем известно, как ревностно махди оберегают свою территорию от незваных гостей. Многие, кто рискнул отправиться в чащу, назад не вернулись.

Проглотив оскорбление, Д'юма заулыбался шире прежнего:

– Риши, Риши! Я все хорошо понимаю. Будь задача такой простой, я бы не стал ждать ветра от солнца и сам бы давно все организовал. Но так уж удачно совпало, что вам вдруг понадобилась моя помощь. Так почему бы мне этим не воспользоваться?

Я повернулся к Мекету, в надежде услышать от него вразумительный ответ. Но тот только поднял ладонь, призывая меня не горячиться.

– Спокойно, Мозголом. Я разберусь. – Посмотрев в лицо Д'юме, он проговорил: – Ты не сказал, что собираешься делать с этим минном.

Тот фыркнул.

– Конечно не сказал. Но ведь и я не выпытываю, зачем тебе инфочип. Хотя прекрасно осознаю его ценность.

Тут я не смолчал:

– Минн смертелен для всех, кроме махди. Они, как я читал, применяли его практически всюду: готовили из него еду, создавали оружие. Но вы-то не махди, значит, хотите использовать растение в других целях. Например, в вашей будущей войнушке с Риоммом, я прав?

– Неплохо, мой юный друг. Неплохо. – Д'юма и впрямь выглядел впечатленным. – Однако ты далековато забрался от истины. Минн мне нужен вовсе не затем, чтобы устроить переворот.

– Тогда зачем?

Контрабандист шутливо погрозил мне пухлым пальчиком.

– Э, нет, малец, я на эту уловку не поймаюсь. Хочешь узнать мои цели? Принеси мне минн. И если не передумаешь, мы с тобой обсудим, что и как, идет?

– Не идет, – тут же встрял братец.

Д'юма притворно скуксился.

– Ты стал таким правильным, Мекет. Аж тошно.

Тот не отреагировал на поддевку, но зато всерьез задумался над предложением.

– Один инфочип за один росток минна, так?

– Воистину так, – кивнул Д'юма. – Только росток этот должен быть живым. Всяких там засушенных веников из сувенирных лавок мне не надо. С тех пор как махди повымирили, обнаружить минн стало почти так же трудно, как живого лейра. В естественной среде, насколько мне известно, его уже давно нет. Все, что осталось – это несколько экспериментальных образцов в имперских лабораториях в Мероэ. Так что вам даже в лес соваться не понадобится. Только навестить столицу и вывезти оттуда кустик. Для сверхсущества проще некуда, согласитесь?

Мекет не стал спорить и с этим, только мрачно пробормотал:

– Впервые в жизни мужик требует от меня цветы. Надеюсь, он же последний... – Он покосился на меня, затем уставился на крышку стола, потом опять на меня и под конец повернулся к пухлomu интригану. – Ладно, чтоб тебя, я готов за это взяться. Но лишь при одном условии.

Д'юма наострил длинные уши.

– Ты отдашь мне инфочип и забудешь, что вообще когда-либо нас знал. – Брат выдержал паузу, внимательно глядя на контрабандиста, после чего прибавил: – Хорошенько обдумай это, Д'юма, потому что потом условия будет уже не изменить. Если я вдруг узнаю, что ты не удержал воду в заднице и рассказал кому-то об этой встрече, можешь сразу заказывать себе гроб по размерам.

– Ты угрожаешь мне, Мекет? – Карлик изо всех сил старался казаться удивленным. – Разве так разговаривают со старыми друзьями?

– Не путай хрен с пальцем. Мы не друзья, Д'юма. И никогда ими не были.

Д'юма то ли фыркнул, то ли хрюкнул.

– Это уж точно. Дружить с тобой не всякий сможет, Мекет. Но я по натуре оптимист и верю, что все еще возможно. Пусть будет по-твоему. Я забуду о нашем знакомстве, как только получу свое растение.

И все это было так мирно и пристойно, что поневоле пришлось напомнить о себе.

– Безумно рад за вас, товарищи. Но вы не забыли, что я еще не дал согласия?

– О, – сказал Д'юма. – О-хо-хо. Я уже понял, что братец не поделился с тобой своими планами относительно инфочипа. И это вполне в его стиле. Но разве ты не должен доверять ему?

Должен ли? Я перевел взгляд на Мекета, чье лицо, наполовину скрытое в тени полей шляпы, оставалось безмятежным. У него на все случаи жизни был план. Но стоил ли он доверия? Ответить на этот вопрос было сложнее, чем прикончить Ди Аргуса.

Кажется, брат почувствовал мои сомнения, потому что вкрадчиво попросил:

– Мозголом, просто сделай мне одолжение, идет? Одно из немногих.

Я вздохнул. По сути, уступить Мекету в его просьбе не стоило мне никакого труда. Все, что было возможно, я мог вытрясти из него и по ходу дела. К тому же путешествие на покрытую туманом древней истории Бойджию могло стать одним из самых запоминающихся приключений в моей жизни. И уж наверняка приятней, чем прошлое дело о пропавшем семейном лакее. Так зачем отказываться?

– Хорошо. Я согласен. Вы отдадите нам инфочип, Д'юма.

– В обмен на кустик минна, – кивнул карлик.

– В обмен на кустик минна, – повторил Мекет. Не сказав больше ни слова, он оттолкнулся от импровизированного столика и выпорхнул из палатки.

Мне ничего другого не оставалось, кроме как поблагодарить Д'юму за чай и отправиться за братом.

– Знаешь, – сказал я, проплывая вслед за Мекетом через трущобные пузыри обратно к кораблю, – если б я знал, зачем нам этот никчемный инфочип, мне было бы проще согласиться. Мекета мои слова задели.

– Никчемный? Никчемный?! Да понимаешь ли ты, сколько информации хранится на этом маленьком кусочке металлопластика?

Я нарочно скорчил постную мину.

– Я от природы очень неплохо соображаю, но ты не удосужился рассказать мне о деталях.

– Не тебе говорить о природе чего бы то ни было, – огрызнулся брат и тут же замер, сообразив, какую бестактность ляпнул. – Прости, Риши, я не хотел.

– Но сказал, – заметил я, стараясь не показать, что его шпилька достигла цели. Из-за весьма необычного способа, благодаря которому появился на свет, я стал замечать, что крайне болезненно реагирую на все разговоры, связанные с темой естественности.

– Обидчивость тебе не к лицу, – заметил он, оглянувшись по сторонам. На этот раз никто из местных не лез к нам с просьбой подать милостыню. Хотя всю дорогу провожали недоброжелательными взглядами.

Я показал брату средний палец.

Он фыркнул, но продолжил:

– На самом деле, все, что наговорил тебе Д'юма чушь полная. Или по большей части. А вот про чип он не лгал. Малыш занималась разного рода сделками. Некоторые из них были очень специфичны. И оттого привлекательны для многих. Я хочу заполучить чип прежде, чем кто-нибудь другой пожелает того же.

– Это я уже понял. Я хочу знать, зачем?

– Ага. Уверен. Еще как хочешь.

Что ж, это было ожидаемо.

Я закатил глаза и переключился на новый вопрос:

– Чип всегда был у Д'юмы?

– Всегда. С той самой поры, как Малыш заключила свою первую сделку. Она была весьма прагматичной бабенкой. И никому не доверяла. Кроме Д'юмы. За что этот сварливый мешок заработал такой бонус, я понятия не имею. Зато точно знаю, что сам Д'юма никогда этим доверием не пренебрегал.

– И даже не пытался использовать чип в собственных целях? – Нечто довольно странное показалось мне в том, что личность, желавшая высвободить коддас из положения беженцев и разумников третьего сорта, ни разу не прибегла к помощи вещицы, без дураков способной сделать из него богача.

– Если бы Д'юма объявил о намерении продать инфочип Малыша, он бы и суток в живых не протянул. Началась бы охота. Кроме того, ты и сам слышал, что его не интересуют деньги. Только нечто более весомое.

– Минн, что ли? – усмехнулся я.

– На самом деле в этом нет ничего смешного, Риши, – с укоризной качнул головой Мекет.

От меня не ускользнуло, что он уже дважды за время беседы назвал меня по имени, не используя нелепое прозвище, которым сам же и наградил. Означало ли это перемену в его отношении? Я хотел верить, что нет.

– И все же, что такого привлекательного в том инфочипе? Что важного он хранит для тебя?

– Для нас, Риши. Не для меня, – поправил брат тихо. – Не думай, будто я не сожалею о том, что творится теперь с тобой по моей милости. Хоть ты и стараешься скрыть перемены, я все вижу. Тень растет в тебе, словно опухоль. Клетка за клеткой она захватывает твоё естество, пока однажды не поглотит полностью. Это надо остановить. Остановить, пока не поздно. А в инфочипе есть кое-что о том, как это сделать.

Меня от этих слов передернуло. Резко застыв на повороте, я не рассчитал угла и врезался в одну из переборок – эдакая иллюстрация удара обухом по голове.

– Зараза! – выругался я и схватился за ушибленный лоб. – Так, погоди... Что? Как это понимать? В инфочипе есть подсказка, как усмирить Исток? Откуда она там взялась? Да и вообще, откуда тебе знать, что это можно сделать?

– Я не знаю наверняка, но почти уверен, что возможно, – сказал Мекет, перехватив мою руку и подтолкнув к ползунку, ведущему на борт «Ртути».

– Как?.. Почему?.. Да каким образом, в конце-то концов?!

В ответ на это брат усмехнулся, но без намека на веселье.

– А это еще одна из тайн, которые Желтый Малыш унесла с собой в могилу. Но мы ее узнаем. Просто доверься мне.

Если б я был дурак, я бы, наверное, так и сделал. Но кое-какой опыт и жизнь бок о бок с Мекетом научили воспринимать его слова чуть менее буквально. Не нужно звать себя гением, чтобы понять, в какую сторону ветер гонит фотоны. Братец затеял авантюру, но, догадываясь, что меня на нее легко не подписать, нарочно нагнал туману, чем и воспалил мое воображение. Он, как никто, в Галактике знал, насколько сильно я падаю на всякие тайны и загадки прошлого, пусть даже не особо далекого, и давил на это не стесняясь.

Притом не зря.

После разговора в техносферах мне и впрямь захотелось побывать на Бойджии и побродить по ее легендарной висячей столице. Но вместе с тем я не переставал испытывать зудящее ощущение на самом краю сознания, которое шептало, что простой прогулкой дело совсем не ограничится. За прошедшие недели фигура Ди Аргуса, маячившая, казалось, всюду, куда бы мы ни сунулись, ничуть не утратила своей зловещести.

Как ни забавен был оборот, с той поры, как мы оставили Дей-Прим, серый страж мерещился мне в каждой тени. Я знал, что смерть хозяйки не повлияет на его целеустремленность и, может быть, поэтому ожидал за первым попавшимся поворотом. Бледное лицо с жутким серебристым взглядом даже снилось ночами. Оно намекало, что новая встреча была неизбежна, и я старался морально готовить себя к ней. Аргус не обещал мне мук адских, но вполне доходчиво дал понять, что не остановится, пока не заполучит обратно. А раз так, то имело смысл оглядываться почаще. И не соваться туда, где само понятие цивилизованности давно размылось и превратилось в анахронизм.

Мекет же, напротив, вел себя так, будто никакого Аргуса нет и в помине, и все, что им движет – желание исправить прежние ошибки. Но я-то знал, что ночные кошмары донимают брата едва ли реже, чем меня самого, а все эти обещания с помощью эфемерных знаний избавиться от влияния Теней – лишь отчаянная попытка обратить время вспять. Он не понимал, что сделанного не исправить, и на все мои попытки втолковать ему эту простую истину, только огрызнулся. Брат, как и большинство разумников, считал Тени вселенским Злом, которое следует уничтожить, прежде чем оно успеет осквернить все на свете. Но я не винил его за зашоренность. Придет время, и ему придется столкнуться с реальностью. И будет лучше, если это случится на моих условиях.

## Глава 4

### Добро пожаловать в Мероэ!

– Ты ввел не те координаты, – проворчал Мекет, тыча пальцем в дисплей на приборной панели. Стоя над душой, он наблюдал за тем, как я пилотирую «Ртуть», и время от времени неодобрительно цокал. Корабль едва отошел от станции коддас на приличное расстояние и готовился к переходу на сверхсветовую. – Вот здесь ошибка. Видишь? Ни хрена ты не видишь!

Воздев глаза к потолку, я тяжело вздохнул и попросил его, пока еще вежливо:

– Мекет, сядь, пожалуйста, и не говори под руку. Сам разберусь.

Это был далеко не первый мой полет за штурвалом звездолета, и все же брат тряся так, словно я залез в его арсенал, достал оттуда плазмомет и принялся палить во все стороны прямо в рубке. Как дитя малое, честное слово.

– Никогда не пренебрегай расчетами, Мозголом! Если в цифрах ошибка, ты можешь воткнуться в планету. Каково тогда будет?

Я попытался его успокоить:

– Все будет нормально. Ни во что не воткнемся. Даже на месте окажемся. Точно тебе говорю.

– Да кто вообще учил тебя так летать?!

– Ты учил! Сам же сказал, что у нас мало времени. Вот я и подправил координаты, чтобы поближе к Бойджии оказаться. Не хочу тратить часы на это идиотское задание. Вообще, все эта таинственность жутко раздражает. Пойди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю, что. Какого лейра все это значит?

– Это значит, у хитрожопого проныры наметан план, – ответил Мекет заметно тише.

Речь шла, разумеется, о Д'юме.

– Есть идеи, зачем ему понадобился минн? – спросил я, не уверенный, что брат ответит.

Тем не менее он проговорил:

– И немало. Одна неправдоподобней другой. Хотя я бы не стал себе голову этим забивать.

К нам это все отношения не имеет.

– Но ты уверен, что в конце Д'юма честно отдаст чип тебе?

Мекет не торопился отвечать. Отступив к креслу навигатора, брат мрачно проговорил:

– Ему будет некуда деться. Хочет или нет, а расстаться с инфочипом придется. Иначе я устрою ему такие неприятности, что даже серые позавидуют.

Неприкрытая угроза, прозвучавшая в этих словах, заставила меня поежиться. Нет, я и раньше слышал, как брат угрожает своим неприятелям, но отчего-то никогда прежде его слова не провоцировали такое количество мурашек. Похоже, Мекет слишком сильно верил в инфочип. А раз так, то не остановится ни перед чем, пока не заполучит его.

И все из-за меня.

Это льстило, но вместе с тем и тревожило. Такого фанатизма я не ожидал.

– Стартуй уже, – буркнул он.

– Есть, капитан, – надеясь разрядить обстановку, шутовски отсалютовал я и перевел рычаг в вертикальное положение. Тьма и звезды, ее усыпавшие, мгновенно свернулись в трубочку, уступив место безудержному калейдоскопу хаоса гиперпространства.

Как только миллионы лет, которые нам гипотетически пришлось бы потратить на путешествие до Бойджии, превратились в скромные двадцать минут, а «Ртуть» выбросило прямо перед мутно-зеленым эллипсоидом, я украдкой выдохнул. Несмотря на всю бравату, что

демонстрировал брату, у меня хватало мозгов оценить возможность накосячить. Космические путешествия, кто бы как ни расхваливал современные ИскИны и сверхточные гипердвигатели, всегда сопровождала определенная доля риска, которой нельзя было пренебрегать.

Впрочем, страх убится об планету не шел ни в какое сравнение с тем гнетущим ощущением, что нахлынуло на меня, стоило только нацелить корабль на снижение по спирали.

– Не так резко, Мозголом, – встрял Мекет, снова встав ментором за моим плечом. – Что это с тобой?

– Возьми управление, – выдохнул я сквозь крепко стиснутые зубы. Казалось, все внутри взбунтовалось против того, чтобы приближаться к странной планетке. Выпустив штурвал из рук, я быстро уступил место пилота законному владельцу и, уцепившись за переборку, устоялся в иллюминатор, за которым разрастался боиджийский серп.

– С тобой все в порядке?

Прежде чем ответить, пришлось сделать несколько глубоких вдохов:

– Я в норме. Просто немного тошнит. Только и всего. – Я продолжал вглядываться в приближающуюся поверхность, словно саваном укрытую грозowymi облаками, и надеялся привыкнуть к ощущениям. Тут и там вспыхивали ослепительные искорки бушующих вдалеке гроз. Несмотря на то что я не мог этого слышать, их отзвуки отдавались в голове тяжелым звоном. – По-моему, с этой планетой не все ладно.

– По-твоему? – Мекет деланно усмехнулся. – Да от этого замшелого булыжника у любого мурашки по коже! О чем, кстати, вся Галактика в курсе.

– Нет, тут другое, – качнул головой я, однако пояснять не стал.

Невольно напрашивалось сравнение с Яртеллой. Только если в случае с обителью лейров, оттуда хотелось просто удрать, то Боиджия вселяла стойкое ощущение гадливости. Как будто тебя лицом макают в чан, доверху наполненный смесью из компоста и древесного сока. Мягко говоря, неприятное чувство.

Которое, Впрочем, не мешало оценить местные виды.

Густая многоцветная роща в километр высотой, расстилавшаяся под днищем «Ртути», звалась Великим паатовым лесом и считалась едва ли не самым опасным местом в Галактике. Не перечить, сколько баек я услышал о ней на Семерке. О смельчаках-охотниках, что по глупости совались туда и больше никогда не возвращались. О диких хищниках, способных ударом хвоста распилить взрослого разумника пополам. О лозах-душилках. И о махди, конечно же, – жутких аборигенах, которых искусственно вырастили для защиты несметных сокровищ, скрытых в планетарных недрах.

Несмотря на флер отвращения, вид из иллюминатора все равно захватывал дух.

– Здесь, правда, всего один город? – спросил я не столько из интереса, сколько ради того, чтобы пригасить неприятные ощущения, заставлявшие существо в ящике елозить.

Мекет неожиданно удивил ответом.

– Ну да. Легендарный Мероэ. Он же столица Семи Холмов. А заодно риоммский форпост. После Второй войны лейров Риомм взял планету под надзор, разместив в городе гарнизон. Тех аборигенов, что не померли сами, убили, а их резервации разорили. Все наиболее ценное вывезли, а город оставили на попечение местных аристократов.

Забыв о недомогании, я изумленно уставился на брата:

– Откуда ты все это знаешь?

Тот на мгновение оглянулся, скривив кислую физиономию.

– Я, между прочим, тоже читать умею. А еще бывал тут не раз. Так что даже всезнайку вроде тебя могу чему-нибудь научить. Например, ты знал, что самый первый граф Занди добыл здесь Иглу Дживана, с помощью которой помог одержать победу над лейрами?

Честней был бы ответить, что знал, но лишать брата его маленького триумфа не хотелось.

Довольный собой, он продолжил:

– А про то, что эта самая Игла способна была уничтожить Тени? Что? Тоже нет? Seriously, Мозголом? А как же твои inferнальные книжки, что ты часами затираешь до дыр? Там об этом ни-ни?

Я вздохнул.

– Оставил бы ты мои inferнальные книжки в покое и смотрел бы лучше перед собой. Того и гляди днищем скрести начнем.

Брат подчинился и выровнял нос корабля. Но гнусно хихикать при этом не перестал.

– Даже удивительно, что ты об этом не слыхал, учитывая твою помешанность на лейрах и всей этой теневой лабуде, – проговорил он.

Ну, знаете ли! Уперев руки в боки, я сказал:

– Моя, как ты выразился, *помешанность* имеет под собой основания.

Дернув щекой, Мекет хмыкнул:

– Камушек в мою сторону?

Я решил не отвечать. В конечном счете попытки выяснить, кто виноват и что с этим делать, потеряли для меня всякий смысл. Я простил брата за то, что он столько лет скрывал правду о моем происхождении. И уж точно не собирался перекладывать на него вину за то, что сотворил со мной Орден куатов. По их указке ученый Рас Гутса создал воплощение Теней, живого Истока, а значит, с ними мне и разбираться.

Наблюдая за тем, как из облаков выступает столичный город Мероз, я постарался отбросить все переживания и страхи, навеянные давящей атмосферой, и сосредоточился на головокружительном пейзаже. Недаром говорил кто-то из мудрецов: «Можно всю жизнь провести, перелетая от планеты к планете, открывая диковинные миры, но так и не постичь и тысячной доли того, насколько прекрасна, таинственна и непостижима наша Вселенная».

– Боже мой, я и не думал, что здесь настолько красиво!

– Вот как? Священный трепет, значит? А где же отвращение? – хмыкнул Мекет, намеренно облетев город по кругу, просто чтобы позволить мне полюбоваться красотами.

А ведь полюбоваться было чем! Даже несмотря на то, что от бывшего Мероз здесь осталось не так уж и много.

Поговаривали, будто раньше этот город был залит солнечным светом, в лучах которого высокие золотисто-перламутровые башни и купола сверкали, будто риоммский жемчуг со дна океана Мас. Сколько, интересно, лет прошло с тех пор? Сотня? Две? Местные наверняка скажут. Теперь над столицей в прямом и переносном смысле нависали тяжелые тучи. Стены изящных зданий обветшали и все больше утопали в океане дикой зелени, над которым прежде гордо нависали. Кое-где виднелись следы давно минувших сражений, разбитые купола, опрокинутые минареты. Со времен первого графа его маленькое царство пришло в упадок и запустение.

– Ну, посмотрелся? – спросил братец и, не дожидаясь ответа, опустил «Ртуть» на ближайший бутон посадочной площадки. С виду не очень устойчивая она нависала над океаном зелени, держась лишь на единственном тонком лепестке.

– Что-то не заметил, чтобы ты запрашивал разрешение, – сказал я, заставив себя не обращать внимания на завязавшиеся в узел внутренности.

– А я и не запрашивал. Здесь вообще никто этой ерундой не страдает.

Слова Мекета заставили меня нахмуриться:

– Ерундой? Я думал, планета принадлежит Риомму?

– Формально – да, но с технической точки зрения вся эта провинция – сплошное и никому не нужное болото. Половина местных давно свалила в поисках счастья. Остались только нищелюбы, да парочка аристократов, готовых удавиться, лишь бы не бросать родные места. Зуб даю, даже они чувствуют, что от всего этого комка грязи так и несет безысходностью. Потому и нам тут задерживаться не стоит.

Выслушав его с серьезным видом, я демонстративно зевнул и проверил надежность скрытой под курткой португалии. Только дурак сунется сюда безоружным.

– Ой, что-то не припомню, чтобы ты хоть об одной планете говорил иное.

Брат, выбравшись из-за кресла, хлопнул себя по груди:

– Ты ж знаешь, я оптимист. Везде стараюсь отыскать что-нибудь хорошее. Но тут... – Он покосился в сторону иллюминатора, за которым виднелся кусок паатового леса, задавленного тяжелыми тучами. – Полный тухляк!

В обычной ситуации я бы непременно поспорил с таким утверждением, но, памятуя о своих ощущениях по прилете, решил промолчать. Узлы, в которые завязались кишки, и непрекращающееся ворчание твари из ящика и без того мешали сосредоточиться. Если еще и вступить в спор с братом, то можно сразу ставить точку на этом путешествии.

В итоге я сказал:

– Предлагаю не лезть на рожон.

– Всенепременно, – с охотой кивнул Мекет. – Вот добудем инфочип Малыша и заляжем на дно. А теперь давай-ка на выход.

Оказалось, что весь план по добыче ростка минна состоял всего из трех этапов: проникаем в имперскую лабораторию, хватаем растение, сваливаем. Все. Никаких деталей и забот о том, как попасть на территорию охраняемого объекта, и что делать с непредвиденными трудностями, которые легко возникнут на пути. Особенно с нашим-то везением.

– Мы же не галактический банк идем грабить, – отмахнулся братец и нацепил шляпу. – Никому нет дела до какой-то там лаборатории. Охрана минимальная. Нам даже вспотеть не придется.

Если это так, то почему Д'юма сам не выкрал растение, а отправил за ним нас?

Но вместо того, чтобы задать этот вопрос вслух, я спросил:

– Да ты вообще хоть знаешь, где эта лаборатория находится?

– К твоему счастью, знаю. Я вообще много чего знаю. И тебе пора бы к этому привыкнуть.

– Я бы, может, и привык, не скрывай ты от меня все до самой последней минуты.

Мекет поморщился. В который раз.

– Не ломай мне мозг! Хотя бы сейчас, – попросил брат, переводя системы корабля в режим ожидания. Похоже, он и впрямь не собирался здесь задерживаться. – Воспринимай эту маленькую поездку как очередное приключение. Ты же это так любишь.

– Интересно, – задумчиво произнес я, – хоть кого-нибудь подобные слова заставляли чувствовать себя спокойней?

– Даже если и нет, – сказал Мекет, – ничто не мешает тебе стать первым. Идем уже. Сказка ждать не будет.

Спускаясь по трапу в душный и насыщенный влагой и прелым запахом боиджийский воздух, я сверлил взглядом спину Мекета и гадал, следовало ли мне быть до самого конца с ним откровенным? Может, не стоило скрывать правду о смерти Метары и предостережении шаманки? Или я все-таки правильно сделал, что промолчал?

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь, – внезапно бросил братец, широким шагом двигаясь по выложенному потрескавшейся плиткой рукаву. Цель маячила впереди – высокий дом со сквозной аркой, за которой виднелось что-то более-менее похожее на широкую улицу. По крайней мере, шум повседневной жизни с той стороны давал понять, что этот странный город не совсем еще призрак.

– Что-то сомневаюсь.

– Тебя беспокоит отсутствие плана.

Чувствуя, как от влаги и запахов, насытивших воздух, засвербело в носу, я пробормотал:

– Меня беспокоит отсутствие беспокойства у тебя. Тебе вообще все равно, как нам добыть этот адский минн? Просто постучим и спросим?

Брат замер и обернулся. Его лицо оставалось невозмутимым, и только в глубине глаз поблескивали искорки раздражения.

– Слушай, Мозголом, напхни, чтобы я позже врезал тому идиоту, который назвал тебя умным. Ты за кого меня принимаешь?

– Честно ответить?

– Прекрати! Мы возвращаемся к тому, с чего начали. Опять.

– Тогда и ты прекращай темнить и выкладывай все как есть. Сам хотел, чтобы я доверял тебе. Но вот доверие – вещь обоюдная. Или ты не в курсе?

Теперь уже в глазах Мекета были непросто искорки. Там затевался целый грозовой фронт. Он недобро сощурился:

– А кто сказал, что я тебе не доверяю?

Я пояснил:

– Ты тащишь меня в место, от которого мурашки по коже, и при этом ничего не хочешь объяснять. Что-то не похоже на доверие.

Он подошел вплотную, схватил меня за плечи и как следует встряхнул.

– Да нечего здесь объяснять! – Понизив голос, Мекет затараторил: – Все просто до безобразия. Мы заходим в местный паб и там встречаем моего человека. Получаем от него инфу по охране и пропуску. Дальше по обстоятельствам. Все. Никаких глобальных выдумок и прочей шпионской ерунды. И на твои «темные силы» никто не рассчитывает, не беспокойся. Это я тебе пытаюсь вдолбить всю дорогу. Здесь всем насрать на безопасность. Особенно местным.

Я собирался возразить, как поступал всегда, но тут нас прервали. Пара патрульных, затянутых в форму риоммских сил безопасности, выступили из проулка и с подозрением уставились на нас. Оба при этом держали руки на кобурах.

– Эй, что здесь происходит?

Мекет тут же отступил от меня и, нацепив на лицо невинную улыбку, обернулся к безопасникам.

– Ничего криминального, начальник. Просто маленькое недопонимание с младшим братишкой. Уже все в норме.

– Точно? – Патрульный перевел цепкий и ничуть не дружелюбный взгляд на меня.

Я поспешил кивнуть.

Безопасников устроил ответ. Развернувшись на каблуках, они ушли.

Мекет проводил их нечитаемым взглядом, но ни слова больше не проронил. Лишь продолжил шагать в сторону главной улицы. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним в русло вялотекущей жизни Мероэ.

Несмотря на опасения, столица Бойджии вовсе не была такой уж унылой и тихой, как рисовало буйное воображение. Да, грязи здесь хватало. Зато не было ощущения абсолютной беспросветности и до уровня всеобщего упадка техносфер Кодда Секундус оставалось еще далеко. По улицам гоняли старенькие прыгуны и такси-рикши, мимо торговых лавок лениво слонялись пешеходы, а в проулках, подобных тому, из которого мы только что выбрались, тусовались местные бездельники, кусками черствого хлеба прикармливавшие стайки рыжеватых птиц. Шум двигателей и голоса разноликих горожан, попеременно с отчаянными воплями диких животных, доносящихся из джунглей, задавали городу тон. Но самое удивительное, что, несмотря на все это, Мероэ оставался по-прежнему сказочно красивым и таинственным.

Настолько, что в нем можно было бы и обосноваться...

– Ты уже связался с этим своим приятелем? – спросил я брата, надеясь отогнать странное наваждение.

– Как только вылетели со станции. Он будет ждать в таверне «Тибо». Это недалеко, – бросил через плечо Мекет, стараясь не задеть компанию закутанных в ободранные тряпки курсу, разложивших свои пожитки прямо посреди тротуара.

Отметив отсутствие ядовито-желтого треугольника на их лбах, я с облегчением выдохнул.

До забегаловки и впрямь оказалось рукой подать. Буквально за следующим поворотом, в переулке, согласно наполовину стершейся табличке, именуемом Джиптан, виднелся невзрачный серый вход в нужную нам таверну.

Едва глянув на дверь, я сразу же растерял всякое желание заходить.

– Может, лучше здесь подожду?

Мекет фыркнул и даже не подумал сбавить шагу.

– Чтобы привлечь больше внимания? Нет уж, обойдешься.

– Что-то не внушает мне это место доверия.

– Можно подумать, когда-то было иначе. Ты и «У Мар’хи» не особо жаловал, пока не привык. Так что не куксись и веди себя естественно. Тут в большинстве своем странный народ обитает. Вряд ли мы останемся незамеченными, но лишний повод для провокаций лучше не давать.

– Как скажешь, начальник.

Изнутри таверна производила ровно такое же впечатление, что и снаружи. Ничем не примечательный паб, каких полно в любом уголке Галактики, с деревянной барной стойкой, замызганными столиками, тусклым освещением и пьяным угаром. Народ разношерстный. Его было много (и это несмотря на полдень!). А главное – ни одному из чахнувших над кружками забулдыг, казалось, нет никакого дела до двух подозрительных типов, внезапно нарисовавшихся на пороге.

– К стойке, – подтолкнул меня в спину Мекет.

На этот раз я не стал пенять ему, что втихаря все спланировал, а теперь сыплет указаниями, и просто двинулся, куда сказали, по пути украдкой разглядывая посетителей. Не ради любопытства, а чтоб убедиться, что от них действительно не стоит ждать неприятностей. Местные жители вовсе не выглядели невинными агнцами и при желании вполне могли устроить проблемы. Загвоздка состояла в том, что каждый из них казался слишком сосредоточенным на своих личных бедах и на окружающий мир будто плевать хотел.

Бармену мы не понравились с первого взгляда, и это ясно читалось в том, как топорщились его мшистые бакенбарды.

– Чего надо? – спросил он грудным басом, заиграв желваками.

– Кабинку номер пять. – Мекет бросил на грязную стойку несколько риммкоинов.

Монетки тут же исчезли, а бармен, даже не потрудившись сменить интонацию, указал на одну из неприметных дверок по левую сторону от нас.

Молча кивнув, брат распорядился:

– Ты жди здесь. Я быстро.

Я рта раскрыть не успел, а он уже скрылся.

Тихонько выругавшись, залез на ближайший стул и, чтобы не привлекать внимания, устроился в одну точку за спиной бармена.

Вспомнилась забегаловка Тола Мар’хи на Семерке, которая сразу же показалась такой родной и милой сердцу, и день, когда в ее дверях появилась Диана Винтерс. Вот уж о ком я с тех пор старался не думать, и каждый раз проигрывал это сражение с самим собой. Леди Орра, дочка правителя Тетисс, та, кто пришла к нам за помощью в надежде найти убийцу своей матери, и та, кого я предал, когда позволил этому самому убийце уйти прямо у нее из-под носа.

Двум господам не служат, как говорят, а я пытался отыскать способ сделать так, чтобы все были счастливы. Именно эта двуличность и стала силой, задушившей ростки симпатии,

которые только зарождались между нами – моя скрытность и запоздалая честность. Я сознался во всем почти сразу. Как только отчалили от Дей-Прим, выдал услышанное от шаманки и то, почему позволил ей уйти живой. Диана, конечно же, не приняла моих объяснений, а мотивы понять не пожелала. Я и сам их с трудом понимал, если честно. И теперь не мог избавиться от клейма подлейшего из предателей. Даже среди куатов я не встречал столько презрения, сколько нашел в глубине ее удивительных синих глаз. И вряд ли еще хоть когда-нибудь увижу.

Временами я последними словами ругал себя за то, что не смалодушничал и попросту не смолчал, но, понимая, что правда рано или поздно все равно бы всплыла на поверхность, прекращал заниматься самоедством. В конце концов, я сделал то, что сделать был должен: открыл ей правду. Другой вопрос, что, дав шаманке уйти, я из того, кто взялся за раскрытие преступления, вмиг превратился в пособника убийцы.

Этого мне никто прощать не собирался. А в особенности – сама Диана Винтерс.

Внезапное урчание в желудке заставило отвлечься от тяжелых мыслей и задуматься о более насущных вещах. Спеша покончить с не в меру странным заданием, я совсем забыл, что в последний раз угощал себя безвкусным чаем Д'юмы, и с той поры не проглотил ни крошки.

Приложив ладонь к животу, я недовольно поморщился. Как же все это некстати! Мекет возвращаться не спешил. А глядя на жуткого бармена и на его не менее жуткое заведение, я даже подумать боялся о том, чтобы что-нибудь себе заказать...

БАЦ!

Нечто тяжелое огрело меня по макушке! Да с такой силой, что я со всего маха вцепился носом в плоскость барной стойки. Сразу сотня сверхновых взорвалась внутри черепа, ослепив сиянием чистой ярости. Искры брызнули из глаз, кровь – из разбитого носа, а со всех сторон посыпались редкие смешки.

Что, вашу мать, происходит?!

Задыхаясь от гремучего коктейля из боли, растерянности и унижения, я сполз со ставшего неустойчивым стула и, утирая лицо рукавом, резко обернулся. Кровь при этом долбила в ушах гулким бубном.

Или то был вой осатаневшего Истока?

Сквозь пелену выступивших слез я видел только размытые физиономии гротескных чудовищ. Они смотрели на меня и скалились.

– Пойдем-ка, поболтаем, – сказала одна из рож.

Сильная рука, ухватившись за отворот моей куртки, потащила меня сквозь вмиг притихшую толпу в сторону выхода. При этом хозяин руки ни словом не обмолвился о том, куда именно меня поволок. Только хихикал под стать троице приятелей, которых я неосознанно успел сосчитать.

Никто из завсегдаев никак не воспрепятствовал ублюдкам творить свое непотребство.

Едва я оказался снаружи, сразу же познакомился с грязным тротуаром полутемного проулка. Прелый, но все-таки немного прохладный воздух помог проветрить мозги, а заодно разглядеть обступивших меня кольцом незнакомцев. Все четверо принадлежали к человеческой расе, но на разумников походили меньше всего. Банда отморозков. Ничего более.

И чего их так ко мне тянет?

Тот, что тащил меня, похоже, вожак, оскалил гнилые зубы. Пахнуло смрадом.

– Привет, залетный. Тебе че, не сказали? Соваться в наш район без разрешения – плохая идея!

Боль быстро растекалась по всему телу, так что разбитый нос стал наименьшей из моих проблем. Ящик превратился в раскаленную топку. Я смотрел на рожу ухмыляющегося уroda и еще пытался сдерживать волны жара, готовые излиться наружу, подобно гамма-радиации.

Но здоровяк расценил мое молчание по-своему:

– Ты чего, красавчик, язык проглотил?

Я шевельнулся. Куртка распахнулась, открыв на обозрение бластер.

Кто-то сказал:

– Эй, Лоскут, у него там пукалка в кобуре!

Недолго думая, вожак присел, забрал бластер и спрятал за пояс. Я даже сообразить толком не успел, как все вышло.

– Оставлю на память, – подмигнул он. – Ты же не против? Ма-а-аленький такой бонус.

Чувствуя себя жертвой розыгрыша, я отказывался признавать, что все это происходит со мной здесь и сейчас. Бред полнейший! Анекдот про то, как четверо недоумков врываются в бар и, не сказав ни слова, набрасываются на ни в чем неповинного посетителя! Кто в здравом уме поверит, что такое способно произойти в реальности?

Вот и я решил, будто это просто чья-то очень дурная шутка, хотя внутри все просто клокотало от бешенства.

– У вас тут еще и скидки есть, что ли? – Сам не знаю, зачем им подыграл, но это был единственный способ заставить кровь, долбившуюся в уши, немного утихнуть.

– Ух ты, да он с юморком! – хохотнул третий молодчик. – Ого! Ребят, гляньте на его рожу! Кое-кто разозлился! Разозлился, да? Ну-ка, скажи еще что-нибудь! Давай, залетный! Повесели нас!

Даже если б у меня нашлось что ответить, возможности открыть рот я не получил. Зато по полной схлопотал грязным ботинком. И снова по носу!

– Что, красавчик, язык проглотил?

Во второй раз очутившись на липкой земле, я застонал. Не от боли. От унижения. Остальные опять загоготали.

Тот, кого называли Лоскутом, сплюнул, а затем приблизился и, вцепившись мне в волосы, потянул наверх.

– И чего только вас тварей несет на нашу планету, а?

Он хотел, чтоб я смотрел на него снизу вверх и, судя по довольному выражению, отразившемуся на еще совсем нестаром, но уже хорошенько потрепанном лице, упивался собственной властью.

Понимание этого, а вовсе не лютей вой, раздиравший изнутри мое сознание, заставил проговорить:

– Тебе лучше не знать.

Веселье тут же оборвалось. Всегда и везде огрызавшийся, я даже не понял, из-за чего. Быть может, местная шантрапа не привыкла, когда с ней спорят?

– Ты или шибко умный, или совсем дурак, – проговорил Лоскут, когда его дружки заткнулись. – На Бойджии такие долго не живут.

Он вытащил бластер (мой собственный бластер!) и приставил его дуло прямо к моему лбу.

– Пока-пока, чудила!

В любой другой день до встречи с Майрой Метарой исход этого столкновения был бы предрешен. Даже самый страшный зверь, когда он заперт в клетке, не опасней котенка гокки. Ну а если замки сорваны и больше нет силы, способной удержать крышку ящика на месте?..

К чести Лоскута стоит сказать, что он успел выстрелить. По крайней мере, его палец с обгрызенным под корень ногтем вдавил спусковой крючок до упора. А это само по себе не так уж и мало.

Не мало, но и не достаточно.

Особенно когда против тебя мощь, равной которой нет ни в одной из Галактик.

Естественно, ублюдков поубивало. Расшвыряло в разные стороны, будто штормом былинки, и размазало по проулку с тошнотворным хрустом, оставив яркие кровавые разводы на и без того замызганных стенах.

Выжил лишь Лоскут. Да и то благодаря тому, что его отбросило в проулок на кучу удачно подвернувшегося мусора.

Я распрямился. Вид чужой крови распалил меня еще больше, но ярость та была холодной, словно космос. Я посмотрел на выжившего.

Тот лежал ничком, как будто хотел сойти за мертвеца, да не мог совладать с нахлынувшим ужасом и потому тихонько скулил и пучил глазищи.

– Что ты за тварь?! – выпалил он.

Стало обидно, и я движением руки заставил его опрокинуться навзничь и еще раз приложиться затылком о каменную кладку.

Верзила вскрикнул, и слышать это было приятно.

Настолько, что я сардонически хмыкнул:

– Неужели больно?

Никогда не репетировал этот трюк, но все вышло само по себе. Бластер, словно живой, скакнул в ладонь через проулок.

– Так-то лучше.

– Не... не убивай меня, – захныкал не Лоскут, а Лоскутик. – П-пожалуйста!!!

Жалкое зрелище.

Не обращая внимания на всхлипы, я спрятал оружие туда, где ему было место, и снова воззрился на бандита.

Едва встретившись со мной взглядом, бедняга захлебнулся воплем ужаса. Похоже, что-то в выражении моего лица его сильно шокировало.

– Кто ты?! Кто ты такой?!

Я решил, что ответ ему не понравится. Да и к чему расстраивать парня, которого от смерти отделяли секунды?

Валявшийся неподалеку кусок арматуры будто нарочно лез на глаза.

Я не стал его игнорировать, как и гадать, откуда он там взялся. Вполне возможно, дружки Лоскута сами притащили, собираясь использовать.

Я притянул прут к себе. Тяжелый и холодный кусок металла лег в ладонь как влитой.

Бандит все стонал, будто нежная девочка. Судя по его взгляду, он чувствовал, что произойдет дальше, но отказывался верить.

– Ты этого не сделаешь! – проблеял Лоскутик.

Я улыбнулся, купаясь в его ужасе, как в лагуне. Исток полностью завладел моим сознанием. А может, мне просто хотелось, чтоб так было.

– Нельзя недооценивать жертву, – проговорила тварь моим голосом, а в следующий миг, будто подброшенная из катапульты, взмыла в воздух, намереваясь воткнуть заостренный прут в голову своего обидчика...

До цели я не долетел считанные сантиметры. На долю мгновения застыл в воздухе с занесенной для последнего удара арматурой, а затем был отброшен невидимой, но мощной противоборствующей силой.

Подобно всклоченному гокки ловко приземлившись на четыре конечности, я быстро осмотрелся в поисках источника аномалии. Тварь из ящика требовала наказать того, кто посмел вмешаться в исполнение моего замысла.

Много времени на поиски не ушло.

У самого выхода из проулка показалась высокая худая фигура в плаще. Сумерки, успевшие сгуститься над городом, не позволяли разглядеть детали, но от моего внимания не ускользнули ни алый отлив ее рубища, ни округлый фонарь дыхательной маски, за которым блестели глаза.

– Здравствуй, Риши, – сказала Тассия Руэ. – Я же говорила, что найду тебя.

## Глава 5

### Шепот шаманки

– Тассия?! – Я вытаращился на огианку. – Вы здесь откуда?

– Одну минутку, – невозмутимо откликнулась старуха и перевела внимание на Лоскута, пытавшегося уползти с поля боя. – Куда это вы собрались, господин? Воспитанные молодые люди всегда отвечают за свои поступки.

Лоскут не собирался внимать нравоучениям. Даже не оглянулся. Тихо поскуливая, он старательно карабкался к противоположному краю проулка, чем крайне раздосадовал шаманку. Я ощутил, как Тени вокруг нее вспенились. Невидимые для неподготовленного сознания, они юркими дымными змеями устремились в сторону бандита. Обвили его канатами. Тугими и жесткими, как пальцы шаманки. Скрутили, спеленали, а потом выгнули так, как ни один антропоморфный разумник без посторонней помощи выгнуться не в силах.

Я ждал, что Лоскут завопит, но все его корчи происходили в полной тишине. Отчего смотреть на них было еще отвратительнее.

– Тассия, хватит!

Шаманка оторвала светящийся взгляд от едва ли не обручем свернутого бандита и посмотрела на меня.

– Раз уж ты сегодня такой добрый, – проговорила она и прищелкнула пальцами.

Послышался глухой звук, похожий на выстрел старинного пулевика, и хребет Лоскута переломился, словно пруттик. Труп мгновение провисел в воздухе, а затем полетел в ближайшую кучу мусора. Стайка оранжевых птиц, гнездившихся там, испуганно вспорхнула в небо.

Я, ожидавший совсем иной развязки, то ли выдохнул, то ли всхлипнул – сам не понял, пока не захотел как следует проблеваться. Тошнило от ситуации. От того, как она разрешилась. И, что главное всего, – от самого себя.

– Смотрите, какие мы нежные, – проворковала огианка и выглядела при этом страшно довольной собой. Словно ничего грандиозней в жизни своей не вытворяла.

Меня затрясло. Почему-то захотелось сделать ей больно.

– Зверски расправились с уличной шайкой, – проговорил я, затолкав Исток с его жадной убийств поглубже. – Ну не молодцы ли?!

Шаманка если что и заметила, то виду не подала. Лишь беззаботно проговорила:

– По большей части *ты* расправился, Риши. Но в целом я готова с тобою согласиться. Если, конечно, это не сарказм.

Я попытался передать ей все без слов.

– О! – сказала она удивленно. – Так тебя мучает совесть?

Я осмотрелся. Число мертвецов на квадратный метр маленького проулка зашкаливало. Как и количество убийц.

– А разве не должна? – Желание наказать ублюдков за ни чем неспровоцированное нападение все еще не выветрилось, но чувство вины, явившееся на смену нарезвившейся твари, заскребло стальными когтями о нежное нутро.

Саму шаманку подобные мелочи явно не волновали.

– Я полагала, мы разобрались с моральной подоплекой твоих поступков. Ведь я предупреждала, что дальше будет только хуже, и тебе придется принимать меры. Я говорила. – Она покосилась на четверку трупов, разбросанных по проулку, точно манекены, и с нескрываемой брезгливостью поинтересовалась: – Что они натворили? Унизили тебя? Избили? Ну, теперь они уже ни с кем так поступить не смогут. Разве тут нечем гордиться?

Я уставился на нее, приоткрыв рот:

– А гордиться убийством можно?

Шаманка подняла на меня светящийся взгляд. Выражение ее лица, как обычно, скрытое дыхательной маской, было не разобрать, но я сумел уловить улыбку.

– Если знаешь, что оно в итоге служит благим целям, то очень даже можно. Во всяком случае, большая часть героев именно этим себя и успокаивает. Ты что, вчера родился?

– Думаю, эти ребята с вами бы поспорили.

– Точка зрения определяет восприятие, Риши. Или ты думаешь, они терзались муками совести, пока тащили тебя на улицу, намереваясь ограбить и убить?

Если честно, мне было плевать, какими принципами Лоскут и его прихвостни руководствовались. Покая не давал тот факт, что я по итогу оказался намного хуже их. Да, они были отбросами, готовыми на все ради наживы. А я? Зная кровожадность существа, которого в себе носил, я даже не попытался остановить его. И упивался каждым мгновением, пока их убивал. Словно в их лице хотел отомстить всем тем, кто меня когда-то обижал. Настоящее ничтожество.

– Тебе станет легче, если мы уйдем отсюда, – сказала шаманка таким тоном, будто это решало все проблемы.

Я с огромным трудом удержал себя от того, чтобы подобрать арматуру и запустить ею в фонарь огианки, и проговорил:

– С особой жестокостью убито четверо разумников, и кого-то это определенно заинтересует. Дайте только время.

Тассия Руэ усмехнулась.

– Надеюсь, ты не надумал сдаться на милость местных властей? Жест благородный, конечно, но бессмысленный. Никогда не понимала идеи самобичевания.

Тут я опять промолчал. Но не потому, что не нашелся с ответом. Я вообще довольно редко лез в карман за словом. Просто увидел в проходе Мекета, и попытки оправдаться вмиг потеряли всякий смысл.

Брат, быстро оценив ситуацию, отдельно и очень жестко произнес:

– Что, вашу мать, здесь произошло?

Шаманка, резко крутанувшись, воскликнула с небывалым радушием:

– О, здравствуй, мой дорогой Мекет! Какой приятный сюрприз! Мы тут немножко тренировали способы самообороны. Как видишь, все прошло вполне успешно.

Брат, даже не взглянув на нее, метнул в меня суровый взгляд:

– Что *эта* здесь делает?

Я ни на миг не задумался над ответом:

– Понятия не имею. Явилась, когда все уже закончилось.

– Когда *все* закончилось? – переспросил он, удостоив трупы не бóльшим вниманием, чем мусор под ногами. – Твоих рук дело?

Я обреченно кивнул.

– Не нарочно. Ситуация немного вышла из-под контроля.

– Немного? – Бровь брата преломилась.

– Его спровоцировали, – вмешалась шаманка. – Атаковали беззащитного, а в итоге нарвались на свою смерть. Весьма поэтично вышло.

– А ты что, мимо проходила? – едко осведомился Мекет. С последней встречи отношение брата к огианке ничуть не переменялось.

– Думай, как нравится, – фыркнула она и отвернулась, будто не при делах.

Меня, кстати, момент ее неожиданного появления тоже интересовал, но время выяснять детали казалось не лучшим.

Мекет недолго прикидывал, что со всем этим делать.

– Ладно, – выдохнул он в итоге. – Возиться с трупами некогда. Свалим отсюда и забудем.

Я не знал, как реагировать. Облегчение оттого, что брат не стал орать и читать нотации, быстро вытеснилось осознанием, что он, по сути, принял сторону Тассии Руэ и готов примириться с любыми моими выходками, если они не противоречат основной цели. А это, в свою очередь, сыграло роль катализатора и вынудило меня вспыхнуть фейерверком.

– Бросим их просто?! Вот так?!

Брат и бровью не повел.

– А ты ждал другого? Ну, прости. Нет у меня возможности сопли тебе подтирать. Пошли уже!

Такое безразличие оглушило. Притом настолько, что я практически не обратил внимания на пару безопасников, будто на зов моей совести, нарисовавшихся в переулке. Те самые ребята, с которыми мы пересеклись по прилете, остановились на выходе и без разговоров направили бластеры на нас троих.

– К стене и руки за головы! – скомандовал один из патрульных.

Я, стараясь держать ладони так, чтобы было сразу ясно, что проблемы мне не нужны, шепнул брату:

– Ты вроде говорил, здесь никому нет дела до чужих разборок.

Тот, скопировав мою позу, процедил в ответ:

– Я всегда так говорю. Не замечал?

Я считал этот вопрос риторическим, поскольку один из безопасников решил сделать шаг в нашу сторону. Взгляд его с кровавых разводов на стенах перетек на четверку трупов в неестественных позах всю эту прелесть украшавших.

– Что здесь произошло?

И что на это ответить?

Я переглянулся с братом. Несмотря на то что силы, затраченные на размазывание банды Лоскута по стенкам, еще не восстановились в полной мере, я знал, что могу призвать Исток и избавиться от нежеланных свидетелей. Дайте только волю.

Но тот еле заметно качнул головой и шепнул:

– Не пори горячку.

Тассия Руэ, видно, разделяя его мнение, вмешалась.

– Спокойно, – приказала она и, загородив меня собой, выставила перед блюстителем указательный палец.

– Это еще что? – начал было тот, но огланка поводила пальцем из стороны в сторону, заставив обоих безопасников сфокусироваться на кончике длинного кривого ногтя.

– Здесь ровным счетом ничего не происходит, офицеры. Ровным счетом. Ни-че-го. Но, кажется, я слышала женский крик за квартал отсюда.

Блюстителю насторожились, хоть глаз с пальца шаманки по-прежнему не сводили. Она держала их, как приклеенных.

– Где именно это было? – спросил тот, что находился ближе к нам.

Шаманка, мастерски изобразив высшую степень беспокойства, ответила:

– По ту сторону переулка Джиптан. Прошу, поспешите! Возможно, там кто-то нуждается в помощи!

– Не волнуйтесь, мадам. Мы все проверим.

Оба отсалютовали и чинно ускакали прочь.

Когда звуки шагов затихли в отдалении, я с облегчением выдохнул. Шаманка опустила руку и с надменным видом посмотрела на нас.

– Устроили бы сейчас бучу. Одно дело избавиться от отбросов, но перестрелка с местной безопасностью?!

Мекет выглядел так, будто готовился в одиночку положить целый полк отборных риоммцев, да только возможность сорвалась. Позер. Не испытывая ни капли благодарности, он ворчал:

– Даже спрашивать не буду, что ты сделала.

Огианка усмехнулась.

– Тем лучше. – Она задумчиво оглядела место кровавых событий, будто не все детали еще запомнила. – Советую вернуться в таверну. Будет лучше, если завсегдатаи забегаловки убедятся, что с вами ничего не случилось. О трупах забудьте. Падальщики позаботятся о них через пару минут, как только мы уйдем.

И правда, метрах в пяти от того места, где мы стояли, из-за угла показался длинный острый нос существа, похожего на гибридную смесь пустынного шакала с Семерки и обыкновенной скальной ящерицы.

Понятия не имея, что это за тварь такая, и явилась ли она одна, я решил, что спокойно проживу без ответов на эти вопросы и спешно предложил:

– Пойдемте отсюда.

Стоило появиться на пороге «Тибо», внутри повисла такая тишина, что на какой-то момент показалось, будто оттуда весь воздух выпустили. Каждый из завсегдатаев замер и с изумлением уставился на наше незабываемое трио. Даже бармен оторвался от протирания стаканов и вытаращился так, словно не ожидал увидеть меня живым. Это позабавило.

Нарочито громко усмехнувшись, я прошагал к единственному пустующему столику в самом углу таверны. Шаманка двинулась следом, а брат направился к стойке, где завел разговор с хозяином, который, судя по виду, был совершенно от этого не в восторге. Мало-помалу жизнь в забегаловке возвращалась в прежнее русло, но я кожей чувствовал жгучие взгляды и шепотки, что провожали меня через весь зал.

Расселись. Стали ждать. Я старался ни на кого в особенности не смотреть, надеясь, что постороннее любопытство, липшее ко мне, точно слизь, как-нибудь само рассосется. Понимая, чем оно вызвано, я осторожно потрогал расквашенный нос. На прикосновение тот откликнулся болезненно. Стало быть, к вечеру разнесет как переспевший плод бо-бо. Зрелище получится отменное.

– Повернись, я посмотрю, что можно сделать, – сказала шаманка.

Памятуя о том, с какой легкостью она излечила Мекета от колотой раны, полученной им в поединке с Аргусом, я слегка воодушевился.

Но сразу вспомнил:

– Кажется, вы говорили, что не стоит привлекать внимание подобными трюками.

– Если в деле замешаны лейры – безусловно, – откликнулась Тассия Руэ, бесцеремонно стиснув мое лицо между ладоней. – Однако от шаманов никто иного и не ожидает. Думаешь, тут все на тебя так пялятся? Ну-ну. В некотором смысле лечить – наша обязанность, и почти никого не интересует, каким именно образом мы это делаем. А сейчас помолчи, будь любезен. Я должна сосредоточиться на ранении.

Ранении. Даже в голове слово звучало пафосно. И это притом, что ничего общего с пафосом не имело. Как и большая часть моей жизни. Следуя за Мекетом от одного третьесортного мирка к другому, я давно открыл, что все приключения, что нам довелось пережить, в реальности совсем не так внушительны, какими представляются, когда о них говоришь.

Пальцы шаманки, остервенело мявшие мой нос, казались ледяными, но при этом вызывали сильное жжение. Тассия Руэ определенно знала свое дело, но действовала при этом так, будто собиралась заново вылепить мне лицо. Еще она что-то приговаривала на огианском наречии, побуждая Тени действовать по ее воле, восстанавливая хрящи и растворяя гематомы.

Я старался мужественно терпеть, но при особо болезненном тычке не выдержал и ойкнул.

– А чего так больно-то?!

– Вообще-то, тебе нос сломали, мальчик мой, – едко заметила огианка, продолжая мануальную терапию. – Ты, конечно, даже так красавчик на зависть многим, но если не хочешь дефилировать с этой чудесной кривизной, советую чуть потерпеть и позволить мне завершить дело.

Я подчинился, и, спустя минуту, все было кончено: жжение прошло, а нос, кажется, вернулся в прежнюю форму. Оставалась сушая мелочь – стереть засохшую кровь, но для этого применять потусторонние силы не пришлось. Сгодились и обычные салфетки.

– Спасибо, – сказал я, спрятав в карман перепачканные кровью кусочки бумаги.

– Мне было нетрудно. – Шаманка поскромничала, хоть явно гордилась собой. Понизив голос до полупшепота, она добавила: – Истинные знахари, в чьих руках Тени, и не на такое способны.

Неприкрытый намек на заключенную между нами сделку заставил усмехнуться. Когда мы расстались в прошлый раз, она пообещала, что сама меня найдет, как только придет время.

Похоже, время пришло.

Вернулся Мекет. В руках он держал три кружки темно-лилового пенного напитка.

– Бойджийское пиво, – объявил братец, со стуком опуская кружки на стол. Он был мрачен, но ни о каких трудностях с барменом, если таковые вообще возникли, не обмолвился. – Через пару минут принесут и поесть. Я взял тебе жареные крылышки туа – местный деликатес и все такое.

– Не сомневаюсь. – Каким бы голодным я себя ни чувствовал, после происшествия в подворотне желудок, казалось, завязался узлом. Придвинув одну из кружек, осторожно принюхался к содержимому. Отвращения не вызвало.

– Не стоило на меня тратиться, – проговорила шаманка. – Ни пить, ни есть я здесь не собираюсь.

– Да как угодно, – буркнул Мекет, притянул кружку и залпом осушил. Смачно рыгнул и добавил: – Давно хотел попробовать такое.

Мы с шаманкой переглянулись.

– Ну и убожество, – резюмировала она.

Проигнорировав ее замечание, братец понизил голос и поинтересовался:

– Итак, Мозголом, выкладывай, как ты умудрился нарваться на тех ублюдков?

Заставив себя отпить прохладного пенного напитка с терпким травянистым вкусом, я ответил:

– Я не нарывался. Они зацепили меня прямо здесь и даже ничего не объяснили. Просто выволокли на улицу.

Мекета новость заметно встревожила.

– Что-нибудь сказали?

Я наморщил лоб, пытаюсь припомнить детали. В ситуации, когда события происходят слишком сумбурно и стремительно, о мелочах, как правило, легко забываешь.

– Требовали, чтобы я заплатил за то, что оказался на их территории.

– И все? – Брат удивился.

– И все, – подтвердил я и прищурился. – А почему ты спрашиваешь?

Прежде чем ответить, он присосался ко второй кружке, но отпил лишь чуть, потом заявил:

– Один из них был тем, кто и назначил мне здесь встречу. Тот самый «свой» человек.

Спрашивать о ком речь, нужды не было никакой. О Лоскуте, конечно. О ком же еще?

– То есть ты все это время ждал его в кабинке?

– Так было условлено.

Я резко выпрямился, со стуком опустив пивную кружку на стол, и, игнорируя косые взгляды завсегдатаев, изумленно уставился на брата. Слов не хватало, чтобы выразить всю степень негодования, но я изо всех сил надеялся, что сумел передать чувства мимикой.

– Полегче, Мозголом, – проговорил он, поднимая ладони вверх. – Не нагнетай.

Было видно, что ему стало не по себе. Только меня это не успокоило.

– Легко говорить! Не тебе лицо об стол разбили.

Мекет тяжело вздохнул и рассеянно поскреб щетину.

– Неплохо, кстати, выглядишь. Бабуся подлатала?

Шаманка скромно потупилась, из-за чего я едва пиво обратно не выплюнул.

– Только не рассчитывайте, будто это станет правилом. Я вам в лекари не нанималась.

– И все же исполняешь эту функцию с завидной постоянностью, – заметил братец, всверлившись в старуху подозрительным взглядом. – И не строй из себя альтруистку. Не будь здесь Мозголома, ты бы и пальцем не пошевелила.

Шаманка рассеянно поскребла кривым ногтем пустую кружку.

– Ты же так хорошо меня знаешь.

– Вот именно, – подался чуть вперед Мекет. – Запомни это на будущее. А теперь к делу. Я хочу знать, что это за история с Лоскутом, и какого хрена ты забыла в том проулке? И не воображай, будто заставишь меня поверить в совпадение. Там, где ты появляешься, случайностей не бывает.

– И снова весьма тонко подмечено.

– Еще раз скажешь что-нибудь в этом духе, разобью респиратор!

Столь непростительная грубость даже меня возмутила.

– Мекет! Заткнись!

Но тот тряхнул гривой.

– Я заткнусь, как только твоя подружка начнет отвечать на вопросы.

– Какие именно вопросы вас интересуют, господин Динальт? – холодно спросила огианка, будто и не ей угрожали. – Хотя постой-ка, я догадаюсь сама. Лоскут тебя волнует, верно? Он и его нелепое предательство? Так вот, позвольте сообщить, раз уж это до сих пор до вас не дошло, открыт сезон охоты.

Подошел бармен с подносом, на котором дымились три тарелки. На нас он старался не смотреть, как будто боялся выдать собственные мысли, хотя выражение лица кричало громче некуда. Глянув на тарелку с кусочками поджаренного мяса, я прикинул, стоит ли прикасаться к еде. Теплый прием намекал, что на тарелке вместе с мясом вполне мог обнаружиться какой-нибудь неприятный сюрприз.

– Расслабься, – сказал Мекет, правильно истолковав мой подозрительный взгляд. Пока бармен расставлял тарелки, брат со скрещенными на груди руками зорко следил за каждым его движением. – Он не станет так рисковать. Верно, *друг*?

– Верно... друг, – подтвердил тот, хоть и без энтузиазма. Из чего я сделал вывод, что Мекет провел с ним короткую, но эффективную беседу.

Вежливость требовала сказать:

– Спасибо.

– Наслаждайтесь, – бросил бармен и ретировался.

Вооружившись ножом и вилок, я отпилил небольшой кусочек сочного мяса и положил в рот. Жевал долго, старательно, но вкуса совершенно не чувствовал. А шаманка будто знала это и с каким-то злорадным интересом наблюдала.

– Сначала оговорюсь, – заметила она. – Точных сведений у меня нет, и все, на чем я строю свои гипотезы – чистые слухи. Впрочем, нет ни единой причины не доверять им. Ни у меня, ни у вас.

– И что же это за слухи? – поинтересовался Мекет, игнорируя еду и продолжая заливать в себя пиво.

– Смерть Майры Метары принесла в Орден куатов перемены. Прежде он и так не был особенно сплочен, однако могущество лейры удерживало его от развала. Мелкие фракции, которые до этого беспрекословно исполняли любые ее приказы, решили, что настал их звездный час и очертя голову ринулись в борьбу за власть. Кое-кого, как я слышала, уже можно считать историей.

Не без труда протолкнув внутрь один кусочек, я мужественно взялся за следующий.

– А что с Аргусом?

Тассия Руэ пожала плечами:

– Неизвестно. Пока Майра стояла во главе, он старательно изображал из себя верного пса, но теперь... Быть может, свобода ударила ему в голову? Впрочем, я убеждена, он не захочет брать на себя обязанности нового претора, и удовлетворится ролью в тени. А почему ты интересуешься?

Я стойко выдержал ее пристальный взгляд. К Ди Аргусу я, сам не зная почему, испытывал смешанные чувства, которые ничего общего с ненавистью не имели. Несмотря на довольно краткое знакомство, серый страж сумел оставить неизгладимый отпечаток на моей душе. Настолько, что после своего бегства, снился по ночам. Сны эти были странными и чаще всего походили на гротескную мешанину из самых разнообразных образов, над которыми Аргус неизменно доминировал.

Но об этом я, конечно же, говорить не стал и только неопределенно пожал плечами.

Шаманка, будто иного и не ожидала, кивнула.

– Что бы ни творилось с Орденом куатов, – продолжила она, – знайте, что рыскать по Галактике в поисках Риши они не перестанут. Сейчас, когда куаты знают, что он собой представляет, они ни перед чем не остановятся, пока не заполучат его в свои руки.

Старательно изображая, что меня все вышесказанное не касается, я не переставал поглядывать на братца, с каждым глотком пива и каждым произнесенным словом шаманки делавшимся мрачнее и мрачнее. Наконец, он прикончил вторую кружку и все-таки взялся за обед.

– Если ты не забыла, я хорошо знаю, как действуют куаты. Им не заполучить Мозголома, до тех пор, пока я жив.

Огианка качнула головой.

– Ты исключителен, Мекет, спору нет. И то, что из твоего ДНК получилось нечто настолько удивительное, как Риши, – прямое тому доказательство. Но ты не берешь в расчет одну немаловажную деталь. Исток всегда оставляет следы. Он искривляет пространство, делая это своего рода личной подписью. Чем Исток сильнее, тем заметней его автограф.

– Ты нас так отыскала? – спросил Мекет.

Шаманка кивнула.

– Прежде его не было видно, покуда мощь находилась под надежным замком, созданным Гугсой. Но теперь оковы сорваны, и всюду, куда бы твой Риши ни ступил, остается хорошо заметный психический след. И куаты тоже способны его считать.

– Все еще не вижу связи с Лоскутом.

– Что вовсе не новость для меня. Иначе ты бы дважды подумал, прежде чем тащить парня сюда. Ты прекрасно знаешь, что у серых стражей всюду глаза и уши. Их шпионов и осведомителей можно встретить где угодно. А Мероэ не исключение. Более того, этот город – родина последнего оставшегося в живых потомка древних графов Занди, который, насколько мне известно, имеет к куатам не последнее отношение.

Услышав это, я мигом насторожился.

– Я думал, род Занди давно прервался.

– Ты ошибся, дружок, – улыбнулась огианка. – Один из Занди все еще жив. И, будьте уверены, знает, что вы рыщете на его территории. Я убеждена, Лоскут стал одним из тех, кому было поручено прощупать степень опасности, которую представляет собой Риши. – Тут она почти печально заглянула брату в глаза: – Быть может, Лоскут и был твоим другом, Мекет, но денежки явно любил намного больше. Хотя и не так сильно, как собственную шкуру. Что удалось доказать наглядно. Ведь он заранее знал, что ты выйдешь на него, и готовил эту ловушку, вовсе не собираясь тебе помогать.

– Откуда он мог это знать?

Тассия Руэ горько усмехнулась:

– Ты все еще веришь в то, что у тебя друзья повсюду, куда ни ткнишь, да, Мекет? Времена изменились, и с тех пор, как Риомм начал сжимать кулак, все больше народу начинают переживать о себе любимых. Какое кому дело до третьесортного сыщика, когда их личные интересы под угрозой?

Мекета это, однако, развеселило.

– Тебя послушать, тут целый заговор нарисовался.

– Только не делай вид, будто удивлен, – отозвалась шаманка. – Ты не хуже меня все это осознаешь, однако зачем-то все время лезешь на рожон. Не похоже на разумника, который стремится уберечь брата.

Наклонившись вперед, Мекет вкрадчиво проговорил:

– Не твоего ума это дело, ведьма.

Шаманка не дрогнула, лишь пригрозила пальцем:

– Осторожней в выражениях, Мекет. Сравнивая меня с ведьмами, ты унижаешь мое достоинство, а это не очень мудро. На Оджия-Прайм ведьм не любят. К тому же, если обратимся к сказкам, то там ведьмы могли превращать зазнавшихся грубиянов в нечто весьма неприятное. Не стоит меня искушать.

Мекет рассмеялся, пытаясь показать, что слова шаманки его не взволновали. Тем не менее я заметил, как он напрягся. Не от страха, а потому что был готов дать отпор.

Несмотря на то, что мне было о чем поразмыслить, я решил не дать ситуации накалиться до предела и постарался снизить градус напряжения вопросом:

– Откуда вам все это стало известно, Тассия? О предательстве Лоскута и потомке местных правителей.

Ответ был предсказуемо расплывчатый:

– Меня только что назвали ведьмой, а ты ждешь разъяснений? Достаточно и того, что мне хватило мудрости предвидеть подобный поворот и не дать вам вляпаться в еще более увесистую кучу дерьма.

– Ну ты прям героиня, – процедил братец.

Я не стал дожидаться, пока шаманка парирует, и, отодвинув пустую тарелку, сказал:

– Ну и как нам теперь добыть минн? Без помощи в лабораторию не пробраться, а без минна Д'юма не отдаст инфочип.

– Что за инфочип? – тут же заинтересовалась огианка.

– Спасибо тебе, Мозголом, – раздосадовано проворчал Мекет.

– Ой, смотрите-ка, великая тайна! – закатил глаза я. – Суть-то в том, что у нас проблема, решения которой я пока не вижу.

– Если проблема только в минне, то проблемы нет, – внезапно сказала шаманка. – Я помогу вам достать его.

Неожиданное заявление заставило Мекета насмешливо выгнуть бровь:

– И как же ты это сделаешь, а? Наколдуешь?

В ответ Тассия Руэ гордо вздернула подбородок:

– Ни одна ведьма не раскрывает своих секретов даже под угрозой смерти. В особенности тем, кто этого не ценит.

## Глава 6

### Ведьмина нора

Стоило нам выйти на улицу, шаманка тут же заорала:

– Такси!

Я чуть не подпрыгнул, а Мекет, с укоризной покачав головой, проворчал:

– Предупреждать надо!

Та только фыркнула.

– Еще чего!

Мероэ к этому моменту обращался в свою ночную форму. Солнце полностью скрылось из виду, и город превратился в царство теней и недобрых намерений. Я чувал, как дикие инстинкты, поднимаясь из джунглей, наполняют воздух своими неповторимыми нотками и резонируют с существом, засевшим во мне. Фонари практически не попадались, и улицы освещались преимущественно бледным сиянием, что лилось из окон домов. Редкие прохожие торопились по своим делам и старательно не смотрели по сторонам, как будто боялись привлечь чье-то внимание.

В этом напряженном коктейле вопли шаманки казались совершенно неуместными.

– Такси-и-и!!!

Недовольного вида престарелый динетин, притулившийся у бакалейной лавки на противоположной стороне дороги, тряхнул грязно-белой шевелюрой. С самым страдальческим выражением он направил свою потрепанную антигравитационную повозку к нам.

– Милейший, – обратилась к рикше шаманка, – хорошо ли вы знаете город?

Вблизи динетин казался еще более старым, а все из-за глубоких шрамов, пересекавших лиловое лицо в самых непредсказуемых направлениях.

– А как иначе работать извозчиком? На нас тут риммкоины дождем не сыплются. – Старикан был явно не из тех, кто за лишнюю монетку станет развлекать пассажиров байками, да и любезностью не отличался.

Я был готов спросить, стоит ли связываться с таким нелюдимом, но, поглазев по сторонам, осознал, что выбора особого нет. Либо этот, либо никого. Последний извозчик, топтавшийся на дальней стороне улицы, уже принял пассажира на борт и благополучно смылся. К тому же шаманка явно не разделяла моих претензий и едва не выскакивала из собственного респиратора от любезности.

– Хороший заработок лишним не бывает, верно? – пропела она.

Динетин прищурился.

– Смотря, насколько он хорош.

– Можешь даже не сомневаться. Едва ли кому здесь перепадала сотня за поездку.

– И куда мне следует вас подбросить? – поинтересовался рикша, излучая скептицизм. –

На луну?

– У Бойджии нет лун, – вставил я.

– Вот именно, парень! – оскалил полусгнившие зубы старик, смерив нашу компашку придиричивым взглядом. – Но ведь за просто так никто такими деньжищами разбрасываться не станет. Да и на богатеев вы непохожи. Куда надо?

И то правда. Желая услышать ответ, я вместе с извозчиком вопросительно уставился на шаманку.

Та объявила:

– В место под названием «Ведьмина нора». Слышал о нем?

Повисла пауза.

– Кто вы такие? – Было совершенно очевидно, что название рикше не только знакомо, но и вызывает определенные ассоциации, негативные по большей части. Он даже опустил руку на впечатляющего вида тесак, притороченный к поясу.

Стало чуточку интересней.

– Просто туристы, – ответила шаманка.

Окажись я на месте рикши, тоже не поверил бы.

– Туристы по таким дырам не шныряют. Кто вы такие?!

Вопрос был не самый удобный, и все это прекрасно понимали. Я ждал, что Тассия опять воспользуется своими гипнотическими способностями, но тут вперед выступил Мекет.

– Слушай, папаша, тебе что, больше всех надо? Тебе монеты нужны или нет? Если не трусишь, то я отсчитаю тебе эту лейровую сотню, а нет – исчезни с глаз и не задавай вопросов. Другого найдем.

Старик после такой отповеди не то чтобы не смутился, но даже раззадорился.

– Другого? – И демонстративно огляделся по сторонам. – Это которого?

Мекет тоже был далеко не из простачков, и на нахальство динетина отреагировал мрачной физиономией.

– Можно подумать, у тебя богатый выбор. Что-то очереди я не наблюдаю.

Замечание смутило динетина, а братец, почуяв это, закрепил эффект:

– Деньги хорошие, а ты выделяешься. Мы-то не в претензиях. Пешком пойдем, если придется. А ты стой тут хоть до пришествия Занди. – Для пущего эффекта он даже сделал вид, будто собирается уйти.

Старик, чья внутренняя жадность вступила в неравный бой с осторожностью, немного помялся, но в итоге объявил:

– Добро. Отвезу вас туда, но это будет стоить дороже. В два раза.

Услышав запрошенную сумму, я присвистнул.

– А не многовато?

Однако прежде чем старый пройдоха успел что-нибудь ответить, шаманка объявила:

– Цена разумная. Едем. – И нацелилась на пассажирское сиденье повозки.

Столь удивительная сговорчивость не могла не вызвать подозрений у динетина, поэтому он выдал:

– Половину вперед!

– А как же! – ответила шаманка и повернулась к брату: – Надеюсь, вы в состоянии оплатить нам проезд?

Глянув на нее исподлобья, Мекет потянулся за кошельком и проворчал:

– Залезайте. Времени мало.

– Что еще за Ведьмина нора? – спросил я, пока утлая аэроповозка неторопливо плыла по полупустым улицам Мероэ. Динетин не соврал, утверждая, будто хорошо знает город, потому как очень уверенно увозил нас от еле живого центра к еще более заброшенной и темной окраине. – Я думал, то, что мы ищем где-то в лаборатории.

– Ты сделался нетерпелив, Риши, – откликнулась шаманка, не переставая изучать столицу графства. – Прежде за тобой подобного грешка не водилось.

Интуиция подсказала, что за этими словами скрыто нечто большее, нежели банальный упрек, но разводить очередную философскую болтовню мне не хотелось. По крайней мере, не при посторонних.

– Все меняется со временем.

Тассии Руэ понравился ответ. Либо была иная, неведомая мне, причина, заставившая ее хихикнуть. Так или иначе, больше она не проронила ни слова.

Мекет тоже молчал. Как, впрочем, и рикша, видимо, после замечаний брата, решивший не лезть не в свое дело.

Громко вздохнув, я продолжил глазеть по сторонам.

С каждым кварталом, что такси удалялось от центра, все меньше встречных машин попадалось на пути, строения становились более обшарпанными и унылыми, а местные жители, – те, что еще не успели разбежаться по норам, – с какой-то затравленной озлобленностью во взгляде. Здесь нельзя было увидеть детей, беззаботно играющих в палисадниках, или влюбленных парочек, гуляющих рука об руку. Только тех, чей век подходил к концу (вроде нашего извозчика), а также бездельников и проходимцев (вроде Лоскута), воровато стрелявших взглядом по сторонам в поисках легкой наживы.

– Как долго вы живете в Мероэ? – спросил я у рикши.

Старый динетин такого интереса явно не ожидал, но на вопрос ответил:

– Всю жизнь. Тем и занимаюсь: вожу народ туда-сюда.

– Никогда не думали улететь?

Рикша что-то негромко хрюкнул. Быть может, выругался. Потом сказал:

– Думал. Много раз думал. Только Боиджия никого не отпускает. Вот вроде и готов уже смыться, а как задумаешься, что больше ничего этого не увидишь, так сразу в груди щемить начинает. И тут так со всеми. Возьмите хоть аристократика нашего непутевого. С малолетства скитался махди знает где, уж думали – все, преставился, – а он возьми да вернись. Сидит теперь в своем замке безвылазно. И чего только приперся?

К тому моменту, как заговорили о местном графе, такси вырулило на один из подвесных мостов, соединявших между собой городские холмы. Дома в Мероэ были высокие, и далеко не вся столица просматривалась с любой из сторон. Но оказавшись на мосту, стало возможным полюбоваться древним замком рода Занди, что грозным исполином возвышался над зеленеющей пропастью. Такой же великолепный и угнетающий, как и все на этой планете.

Вспомнив слова шаманки о том, что последний оставшийся потомок Занди имел связи с Орденом куатов, я поинтересовался:

– Давно он здесь?

Динетин ненадолго задумался.

– Пару дней как. Или чуть больше. Разговоров-то было! Да и как иначе? Впервые за тридцать лет вернулся хозяин! Вздохнули все с облегчением, думали, глядишь, что и поменяется. Ан нет. Заперся в своей башне и сидит там, точно света белого боится. Ходит слушок, будто по ночам, облачившись в черную сутану, он все-таки выбирается из убежища и охотится на молодых девок.

Меня это позабавило.

– Даже так?

На что рикша заметил с усмешкой:

– Ерунда, конечно. У нас тут и без того жизнь не сахар, чтоб еще в подобные бредни верить. Да и кому местные дуры нужны? То-то и оно. Некоторым лишь бы посудачить, а всерьез мозгами пораскинуть никто, ясное дело, не хочет.

– А вы сами хоть раз видели этого графа?

– Графа? – удивился динетин, будто я не с ним разговаривал. – Графов-то у нас тут лет тридцать уже как нет. Только потомки ихние, да и те зовутся не иначе как хозяевами. Хозяева они, ишь ты. Да все ж знают, кто тут настоящий хозяин. Чинуши риоммские, что старую гостиницу под свое бюро переделали. Я думал, ерунда это, что честь может вырождаться. Однако вон как. Вырождается запросто. Нынешнего-то Занди ничего уже не волнует.

– Кажется, вопрос был не об этом, – вставила шаманка, лениво качнув головой.

Рикша подобрался.

– Видел я его всего раз, – покосился он на огианку. – Мельком. В канун Дня Империи. Праздник великий. Тьфу! Разбежались! Риоммцы из кожи вон лезут, пытаюсь навязать тут свое, а все равно местным плевать. Фейерверки запускают, а никто и не смотрит. Ха! Ну, в общем. Мне повезло доставлять одного видного господина к замковым воротам. Там хозяин и ждал. Здоровенный такой, но не паатолом, каких в нашем захолустье, что деревьев в лесу. В этом сразу чувствовалось что-то такое... порода, вроде, называется. Лицо суровое, движения текущие, как у китха на охоте. Но больше всего поражал взгляд: такой холодный и пронзительный, что сердце в буквальном смысле в пятки убежало. Он сам расплатился и велел мне смаываться по-быстрому. Никогда не забуду.

Слушая старика, я поймал себя на мысли, что и сам не прочь разок взглянуть на местного хозяина. Особенно после столь яркого описания, напомнившего одну хорошо знакомую персону...

Хотя, как говорят на Семерке, к ночи нечисть не поминают.

Когда мы прибыли на место, я был поражен тем, насколько правдивым оказалось название. Старая-престарая лачуга, выстроенная на самом краю отвесного утеса, все глубже погружалась в океан паатов. Длинные узловатые ветви целиком оплели каменные стены, почти не оставив просвета, так что даже удивляло, как этот домишко еще не развалился и не осыпался в пропасть. В редких маленьких оконцах стекол не было в принципе, а сама дверь оказалась с петлями вывернута наружу. Короче говоря, Ведьмина нора, как она есть.

– Неужели здесь еще кто-то живет? – изумился я.

На что шаманка не преминула саркастически ответить:

– Не мели ерунды. Конечно, нет.

– Прежде несколько столетий назад, говорят, тут обитала ведьмака, – вставил динетин. После душевной дорожной беседы он сделался намного приветливей. И любопытней. – Правда это или нет – не скажу, но у норы среди местных до сих пор дурная слава.

– Как у всей Боиджии, – хмыкнул Мекет, заглядывая через край утеса.

– Так точно, – ответствовал старый рикша и тут же будто очнулся от дремы. Часто-часто заморгал и с неприкрытой угрозой уставился на нас троих. – Не пора ли рассчитаться за извоз? По двойной таксе, как условились!

Мекет было полез в карман за деньгами, но шаманка остановила его заявив:

– Погодите. А как мы отсюда назад выбираться будем?

Мекет, рикша и я растерянно уставились на нее. Не стану говорить за других, но я об этом даже не подумал.

– Заплачу еще столько же, если дождешься нас и увезешь обратно, – предложил брат.

Размышлял динетин недолго, да и то, похоже, лишь бы набить себе цену. Я чувствовал, ему здесь интересно ничуть не меньше нашего.

– Идет. Скину четвертинку, если разрешите заглянуть внутрь.

Шаманка равнодушно пожала плечами:

– Как угодно.

Мне хватило ума не раскрыть от изумления рот на глазах у таксиста, однако немой вопрос, читавшийся во взгляде, огианка должна была заметить и так. Только не отреагировала на него. Как, впрочем, и Мекет, которому, казалось, вообще было все равно, что творится вокруг. Он даже настоял:

– Я вас лучше снаружи подожду.

Никто не стал спорить.

– Всю жизнь мечтал побывать в этом логове, – признал рикша, будто начисто забыл, что еще минут сорок назад никакого желания везти нас сюда не испытывал. Теперь же его влажные глазки сияли от нетерпения.

– Мечты сбываются, – проворковала шаманка, пробудив во мне смутные подозрения. – Пойдемте!

– Но только после вас! – заявил динетин. – Я же не идиот, чтобы лезть туда первым.

Тассия Руэ усмехнулась:

– Разумеется.

Она невозмутимо пересекла опутанный лозами порог и скрылась в пыльной темноте. Немного погодя, за ней последовал я.

Оказавшись внутри, первое, с чем пришлось столкнуться – это невероятный смрад, ударивший по носу увесистым кулаком. Абсолютно непередаваемая вонь из смеси прелой листвы и падали. И это несмотря на трещины в стене размером с палец и разбитые окна. Даже слезы на глаза навернулись.

– Согласна, пахнет не очень, – заметила огианка с интересом заглядывая по углам, из которых тотчас же россыпью бросились крысы.

Я хотел сказать, что, благодаря своему респиратору, она едва ли улавливает прелесть местных запахов в полной мере, но промолчал. Рот лишний раз открывать не хотелось. Посторонившись, чтобы пропустить динетина, имени которого так и не удосужился спросить, я вышел на середину полутемной комнатухи и постарался оглядеться. Что-то еще одолевало меня в этом логове, и я никак не мог понять, что именно.

– Темновато здесь, не находите?

– В моей машинке был фонарик, – живо откликнулся рикша. – Я принесу.

– Не нужно, – подала голос Тассия Руэ, явив пред наши очи очередной шаманский трюк из разряда полезных. Вытянув вперед руку ладонью вверх, она воспроизвела над ней энергетический сгусток: маленький шарик холодного света разгонял мрак совсем чуть-чуть, зловеще отражаясь в забрале огианской маски.

– Какое занятное умение. – Окажись я на месте старика, ничего не знающего о шаманке, едва ли отреагировал бы столь же невозмутимо.

– Благодарю вас, – польщено откликнулась огианка и деловито осмотрелась в поисках... а, собственно, чего? Если прежде это место еще хоть как-то можно было назвать сносным жилищем, то годы, повышенная влажность и буйно растущая зелень превратили его в настоящие руины.

Любопытный рикша, как оказалось, разделял мои мысли:

– Я все не уразумею, что вы позабыли в этой дыре?

– Ключ к успешному завершению одной очень важной сделки, дорогой друг, – любезно ответила шаманка, продолжая шарить глазами по обильно поросшему сорняками полу. Согнувшись в три погибели, она подсвечивала себе импровизированным фонариком.

– Тассия, вы бы подсказали, тогда б и мы включились в поиски, – сказал я, обводя взглядом стены с едва заметными символами, будто бы намалеванными кровью. Притом не очень давно. От символов так и тянуло холодом и смертью, отчего Истоку во мне сделалось не по себе. – Кто здесь раньше жил? И только не говорите: «ведьма». Я и сам это понимаю. Но мне бы хотелось немного конкретики.

– Задай вопрос нашему спутнику, – откликнулась шаманка, в то время как сама с большим интересом разглядывала заросший пол. – Ему эта история должна быть известна.

Динетин, который все это время как будто находился в блаженном ступоре, чутко расшевелился.

– Ее звали Аманрой. Поговаривают, она была сильнейшей лейрой Рукава Маса и тесно дружила с аборигенами-махди. А еще она была живым растением. Но это, пожалуй, все, что я знаю.

– Как это «живым растением»? – удивился я. – Как ходячий куст, что ли? В этом смысле? Но динетин лишь скованно пожал плечами:

– Не ведаю, не представляю. Но так всегда говорили.

– О, и они совершенно правильно говорили, – поддакнула Тассия Руэ, приблизившись к старику. – Сейчас мы попробуем выяснить, насколько близко молва подобралась к правде.

Она резко встряхнула рукавом, откуда тотчас же выскочило что-то блестящее и чрезвычайно острое на вид. Я почувал всплеск Теней, но прежде чем успел отреагировать, шаманка совершила молниеносный выпад.

Бедный рикша даже не понял, что произошло. Только потрясено выпучился и схватился за горло, из глубокого пореза на котором хлынула кровь. Отвратительные хрипы заполнили тишину. Старик явно пытался позвать на помощь, но было уже поздно. Секунду спустя глаза его закатились, и сам он всей своей нехилой массой рухнул на усыпанный прелой листвой пол.

Недоумение плескалось во мне попеременно с отвращением, пока последние крохи жизни вытекали из несчастного динетина вместе с его кровью, но я не задал ни единого вопроса. Стало ясно, отчего старая ведьма вела себя столь любезно и почему, невзирая на стойкое нежелание приближаться к заброшенному домику, рикша все же переступил его порог. Не любопытство было тому причиной, а чужая и зловредная воля, целиком подавившая его собственную.

Шаманка оглянулась на меня – сама невозмутимость, – и сказала:

– Иначе было нельзя.

Прежде чем я успел вставить хоть слово, она указала на кровь, которая, будто живая, по капельке заструилась между квелых ростков и завязалась вокруг неприметного желтого семечка, похожего на иголку.

– Нам нужно было покормить минн, чтобы он пробудился. Смотри внимательно!

Невзирая на острое желание воспротивиться, я все же сделал, как было сказано.

Маленькое семечко разбухло на глазах. Будто пиявка, оно впитывало в себя кровь, наливаясь жизнью. Чужой жизнью, которую поглощала с жадностью. Затем произошла короткая метаморфоза, в результате которой из семечка вылупился росток. Еще совсем маленький и бледный, он тем не менее с необычайным для растения рвением стал удлиняться, по кровавому следу медленно подбираясь к телу убитого рикши.

Я догадался о том, что должно было произойти дальше, и не собирался этого допускать. Но едва тронулся с места, был остановлен предупреждающим окриком огианки:

– Риши, стой, где стоишь! Прикасайся к молодым побегам минна, пока они вдоволь не насытились, небезопасно.

– То есть, предлагаете скормить растению тело? За этим вы притащили старика сюда?

– А почему бы и нет? Ему-то так и так уже все равно. А тебе и твоему братцу, насколько я поняла, это растение необходимо.

– Куст мне не нужен. Маленького ростка было бы вполне достаточно. И если б вы спросили заранее, я бы дал порезать себе руку и сцедить пару капель, никого не убивая.

Шаманка раздосадовано вздохнула.

– И какой прок был бы от этих твоих капелек? Чтобы вылупиться, минну необходима хорошая подкормка. Много бы ты с себя нацедил?

– Все равно убийство не выход, – буркнул я.

Тассия только фыркнула. Нырнув рукой в карман, она выудила небольшую стеклянную колбу, затем сосредоточилась на ростке, который, точь-в-точь новорожденный монстр, неуклонно стремился к мертвому таксисту. Вновь заиграли потоки энергии, вспенились и забурлили неуловимым облаком вокруг минна. Подчиняясь движениям руки шаманки, растение приподнялось в воздух и плавно перекочевало на дно колбы, где и было благополучно запечатано пробкой.

– Ну, вот и все.

Мрачнее тучи, я выбрался наружу и, не оглядываясь, зашагал в сторону повозки. Злость из-за невозможности что-либо исправить душила, что доставляло Истоку определенное удовольствие. Сидя в своем уютном ящике, он чуть ли не мурлыкал, упиваясь моими эмоциями, что то семечко чужой кровью.

Мекет, державшийся у обшарпанного борта повозки, заметил выражение моего лица и тут же выпрямился:

– Что произошло?

– Ваше задание исполнено, – ответила ему шаманка, выступив из хижины следом. В руках у нее поблескивала колба с ростком.

Братец, заметив минн, воодушевился. Протянув ладонь, он взглядом показал огианке отдать склянку.

Та и не думала спорить. Только проговорила:

– Можете придержать свою благодарность. На сим наше знакомство не окончено.

Мекет, брезгливо разглядывая, как перепачканное в крови растение жирным слизнем скребется по выпуклым стенкам колбы, проворчал:

– Кто бы сомневался. Ты ведь ничего не делаешь задаром, не так ли?

– Это уже стало притчей во языцех, – парировала Тассия.

Удовлетворившись осмотром, Мекет спрятал склянку в карман и вопросительно уставился на меня:

– Мозголом, а старый где?

Не желая отвечать, я принялся счищать остатки компоста с ботинок.

– Остался внутри, – сказала Тассия Руэ, видно, посчитав за лучшее сразу со всем разобратся.

Брат, само собой, удивился:

– То есть как?

Глянув на него исподлобья, я все же мрачно заметил:

– Мы обменяли его на растение.

Мекет, кажется, не мог понять, шучу я или нет.

– В смысле?

– В том смысле, что он уже никогда не выйдет из этого дома наружу, – спокойно проговорила шаманка. – И прежде чем ты начнешь метать молнии, скажу, что так было необходимо. Нет жертвы, нет минна!

Я громко фыркнул. Брат набычился. Похоже, еще один труп в его планы не входил. Хоть какая-то приятная новость.

– Что с телом? – спросил он. – Опять бросим падальщикам?

По голосу было понятно, что Тассия недовольно скривилась.

– Что вы все так трясетесь из-за трупов? Забыли, где находитесь? Это Боиджия, друзья мои! Здесь смерть поджидает на каждом углу. Если завтра этот старый хрыч не выползет на улицы Мероэ, никто и не заметит.

Это стало последней каплей. Встав прямо напротив шаманки, я закрыл глаза и шумно выдохнул. По узкой площадке, предварающей вход в дом ведьмы, прокатилась силовая волна. Сопровождаемая вспышками крошечных разрядов, она заставила стайку гнездившихся поблизости красноперых птиц сорваться с воплями в небеса.

– Не думайте, будто перед вами сопляк, который позволит играть собой, Тассия.

– Не трать-ка ты понапрасну ресурсы, Риши, – проговорила она. – Чует мое сердце, скоро тебе понадобится вся выдержка, какая только есть. Самое страшное еще впереди. А все эти смерти – так, неудобные обстоятельства.

## Глава 7

### Подсказка

Для возвращения на корабль решили позаимствовать повозку динетина, но, дабы не привлекать излишнего внимания, петляли окольными путями. Смысла в том, конечно, было немного. Даже если б кто-то из нас троих заорал на весь Мероэ, что мы только что прикончили разумника, едва ли кто-нибудь из местных хотя бы голову повернул. Как брат и говорил, никому здесь не было дела до чужих забот. Однако это не означало, будто осторожностью можно пренебречь. Даже если местные силы правопорядка не подозревают о нашем существовании, само это еще не означало отсутствие заинтересованных наблюдателей со стороны. И засада Лоскута тому прямое доказательство.

Мекет занял место рикши, а мы с Тассией Руэ устроились на пассажирских сиденьях. Ночь оставалась по-прежнему темной, как подземелья Цитадели Адис Лейр, но я все равно натянул капюшон по самый нос. Хотя бы ради того, чтобы продемонстрировать спутникам свое настроение. Старуха, правда, попыталась завести пустячный разговор, но ни я, ни брат ее в этом желании не поддержали.

– Ты же понимаешь, что это ребячество чистой воды? – проговорила она, когда повозка пересекла один из подвесных мостов, перекинутых через пропасть, из которой тянули свои ветви пааты.

Я отвернулся от безлюдных улиц и опустил взгляд на свои руки. Злость и вина за то, что не предвидел ее маневр и позволил убить старого рикшу, все еще душили. И это отражалось не только странным зудом в ящике, но и легким покалыванием кончиков пальцев. Такое случилось, когда я выплескивал накопившуюся энергию, но, как правило, быстро исчезало.

– Что будет, когда все узнают, что мы заманили старика в ловушку, убили его, а затем сбежали?

– Ничего, – живо отозвалась шаманка, хотя излюбленной менторской манеры и не оставила. – Ничего не будет, Риши. К тому моменту, как тело найдут (если это вообще случится), мы покинем пределы системы, а дальше – хоть минн не расти.

Мекет вырулил на чуть более открытое пространство, откуда вновь стали видны башни графского замка. Острые, словно черные кинжалы, они метились в усыпанное звездами небо, навевая сплин. Всего пары часов на этой планете хватило, чтобы прежнее желание задержаться здесь испарилось без следа.

– Я так полагаю, в порту нам расстаться не суждено? – ехидно поинтересовался брат. Судя по тону, перспектива пустить шаманку на борт его не слишком радовала.

Тассия Руэ непринужденно хохотнула.

– А тебе все не терпится от меня отделаться, Мекет? Горько. Я-то думала, мы теперь семья.

Я покосился на огианку и пробормотал:

– Семейка из уродцев.

– Не занудствуй, милый Риши, – сказала старуха. – Нравится тебе или нет, но нас связали узы, крепче любого кровного родства. Не забывай об этом, пожалуйста.

Я снова уткнулся взглядом в сложенные на коленях ладони. С каждой минутой терпеть присутствие огианки рядом становилось все сложнее. Прежняя ипостась нелепой и слегка чудакватой старушки испарилась, и на ее место пришла непредсказуемая манипуляторша, готовая на все ради поставленной цели. Яснее ясного, что и на этот раз пьеса расписана по актам. Вот только какая роль в ней уготована мне, еще предстояло узнать.

Зуд в пальцах перерос в жжение. Несильное, но достаточное, чтобы причинять дискомфорт. Я сжал кулаки. Внутри повозки было не светлее, чем снаружи, но мне почему-то казалось, будто кожа на тыльной стороне ладоней потемнела. Как если бы я испачкал руки в матовой краске, поверх которой то тут, то там вспыхивали едва заметные искорки статического электричества...

В этот момент Мекет взял слишком круто на повороте. Повозку тряхнуло. Я отвлекся, а когда вернул взгляд обратно, все выглядело как обычно. Ни темного ореола, ни искорок.

– Приехали, – объявил брат, остановив наш незатейливый транспорт у знакомой арки, ведущей к посадочной площадке. – Я отгоню эту посудину к соседнему кварталу и вернусь. Ждите у корабля.

– Как прикажете, мой капитан. – Тассия Руэ, судя по тону, находилась в самом приподнятом настроении. Вслед за мной она выбралась на мостовую. – Может, поддержать растение, пока бегаешь туда-сюда?

Мекет взглянул на нее как на дуру, но, не обронив ни слова, увел утлую телегу с глаз долой.

– Все-таки забавный он у тебя, Риши, – заметила шаманка, провожая взглядом повозку, медленно исчезающую за облаком взбаламученной пыли. – Всегда уверенный, будто знает все лучше всех. Семейная черта, видимо?

– И, правда, забавно, – без тени улыбки процедил я и направился к арке. – Нам сюда.

Шаманка, однако, с места не сдвинулась.

– А ты не спеши так, мой друг. Не спеши.

Чувствуя, что вновь начинаю закипать, я развернулся:

– Ну что еще?

Глаза огианки мерцали в темноте как два крошечных алмаза.

– Ты забыл кое-что очень важное.

– Вот ведь новость. – Я скрестил руки на груди и закатил глаза. Похоже, пришло время очередной игры в «ученики-наставники». – И что же это, не просветите?

Ответ оказался по обыкновению туманным.

– Осознание.

Шаманка приблизилась и зачем-то взяла мои ладони в свои маленькие и высохшие ручки – неожиданный и малоприятный жест. Пришлось потрудиться, чтобы не вырваться.

– О чем вы толкуете, Тассия?

– О том, к чему ты должен прийти в первую очередь.

– Нелепица.

Она хмыкнула, украдкой оглянулась, будто не хотела, чтобы Мекет застал эту во всех смыслах странную сцену, потом быстро заговорила:

– Пойми, тебе следует забыть о милосердии, до тех пор, пока куаты и серые стражи продолжают охоту. Пока существует эта угроза, куда бы ты ни ступил, везде будет литься кровь. Смерть вышла на тропу, Риши. Если она не настигнет тебя, то запросто доберется до тех, кто рядом. Прими это и начни прятать жалость под замком, пока она не сыграла с тобой злую шутку. Рано или поздно враги узнают о твоих слабостях, и как только это случится, они не станут церемониться, прежде чем воспользоваться преимуществом. Время, когда этика и мораль имели значение, прошло. Теперь, если не ты ударишь первым, ударят по тебе. Вот и все.

Глядя на нее почти в упор, я не мог отделаться от навязчивого желания немедленно сорвать дыхательную маску и посмотреть, какие в действительности эмоции лицо, скрытое за ней, отражает. Но сдержался. Чудом.

– Вы говорите, я для них угроза?

– Еще нет, – качнула головой шаманка, продолжая цепляться за мои руки. – Пока что ты для них, как для Метары, способ добиться влияния на галактические силы. Но это непременно

изменится. Время работает против куатов. Они осознают, что чем дольше тянут, тем крепче твое понимание собственной силы. Поскольку им это невыгодно, они наизнанку вывернутся, чтобы перехватить тебя, пока не поздно.

Зуд в пальцах вернулся. Я постарался высвободиться, но старуха не отпускала.

– Неделя почти прошла с нашей последней встречи, – напомнил я, надеясь, что она не заметит, как кончики пальцев вновь подернулись темным. – Что-то вяло они свои усилия прилагают.

Шаманка только фыркнула.

– Ты иногда наивен, как ребенок. Если бы не Мекет и его таланты опережать противника на два шага, думаешь, у тебя был бы шанс?

Этот вопрос не требовал ответа.

– Как насчет Аргуса? – спросил я вместо этого.

Тассия Руэ все-таки оставила мои руки в покое и склонила голову набок.

– Понятия не имею, если честно. Из всех стражей этот был наиболее сложным для понимания. Думается, он пересматривает свое отношение ко всему, что произошло. Но все это чистой воды догадки. Я видела немало серых, но такого, как он, встретила впервые. Даже в сравнении с твоим братом, Ди Аргус – абсолютно непредсказуем. Его невозможно просчитать. И Майре это, судя по всему, нравилось. Может, поэтому он признавал ее главенство, но теперь...

– В таверне вы сказали, что он лучше останется в тени, чем станет править куатами. Почему?

Повисла пауза. Тассия тщательно обдумала вопрос.

– Тут дело не столько в его желаниях, – сказал она, глядя куда-то в пол, – сколько в решении старейшин Ордена. Вряд ли верному псу Майры позволят стать хозяином в доме. Скорей уж задвинут на задний план, чтоб не мешался. Насколько я поняла этого парня, власть как таковая ему до звезды. В отличие от Теней и их тайн.

Намек был очевиден. Как и суть последних слов Аргуса, перед его побегом со станции.

*«Думаешь, меня это остановит?»*

Вспомнив тот пронзительный серебристый взгляд, я ощутил стадо ледяных мурашек, прокатившихся вниз спине, а вместе с ним и вернувшееся жжение в пальцах.

– Ты в курсе, что когда злишься, у тебя глаза темнеют? – вдруг спросила шаманка. – И это не метафора. Естественная и очаровательная зелень сгущается до прямо-таки космической черноты. А между пальцами начинают снова разряды.

Почувствовав себя подростком, застуканным за неприличными делами, я инстинктивно спрятал руки за спину.

– И что с того?

– Я не Мекет, Риши. Со мной тебе не надо бояться быть тем, кто ты есть.

– А я и не боюсь. Я просто не хочу, чтобы что-то менялось.

– Но перемены уже происходят. Вопрос в том, как ты их встретишь: гордо и во всеоружии или забившись в нору отрицания?

Возвращение Мекета избавило меня от необходимости отвечать.

– Почему вы еще здесь? – накинусь брат на нас. – Я же сказал идти к кораблю! Вы же тут все равно что бельмо на глазу!

Шаманка даже не подумала изобразить вину. Только отмахнулась:

– Прошу прощения. Мы заболтались. – И без дальнейших споров проскользнула в арку.

С мрачным интересом проследив за ней, брат покосился на меня:

– Наша кудесница снова чудит?

Не знаю, заметил ли он тень, о которой говорила огианка, но я постарался вести себя как ни в чем не бывало. Просто пожал плечами и ответил:

– Сильнее прежнего.

Кивнув, будто не ждал ничего другого, брат проследовал за огианкой. Я не собирался отставать, но из-за некоего навязчивого фона, возникшего в голове и эхом сопровождавшего каждую мысль, немного помедлил. Несмотря на то что словам Тассии Руэ не удалось добиться отклика с моей стороны, они все же оставили после себя осадок. Как если бы она нарочно стремилась подкрепить их ментально, навязать... Возможно ли такое? Ну, с огианкой никогда нельзя быть уверенным на все сто. Но меня не оставляло ощущение, что тут есть что-то еще. И это что-то казалось очень знакомым...

– Мозголом! – Голос старшего брата, вырвавший меня из задумчивости, был чересчур взволнованным, чтобы не обратить на него внимания.

Я выскочил на посадочную площадку, но вместо предсказанного Тассией отряда наемников или кого похуже, обнаружил брата и шаманку, столбами застывших у опущенного трапа «Ртути».

– В чем дело? Я думал, что-то стряслось.

Брат оглянулся через плечо:

– Есть догадки?

Я поначалу растерялся, не сообразив, к чему это он, но Мекет отпустил и указал на небольшой пластметаллический контейнер, скромно притаившийся у самой рампы.

– Что это? – По-моему, вполне логичный вопрос.

– О том и речь, – кивнул брат и повторил за мной: – Что это?

Похожий на куб какого-нибудь доморощенного иллюзиониста, блестящий серебристый ящик был не более тридцати сантиметров по сторонам и, несмотря на скромные размеры и не менее скромный вид, так и притягивал к себе взгляд.

– Я не знаю, – проговорил я не без напряжения.

– И я не знаю. И старушка не знает. – При этом Мекет даже не взглянул в сторону шаманки, которая негромко прошипела свое «хватит меня так называть!», и продолжал коситься на подозрительный куб так, словно там была спрятана бомба. – Говорит, что не знает. Но огианам на слово верить нельзя. Ведь так, *старушка*? Твоя многоходовочка?

Тассия Руэ мигом ошетибилась, точно пустынная ящерица, пойманная за хвост:

– Думай что хочешь, кретин, но я не имею к этому отношения! Я с этой планеты все-таки выбраться пытаюсь, а не навечно застрял!

Мекет что-то прошипел в ответ, но я не стал обращать внимания на перепалку и склонился над находкой, надеясь рассмотреть ее поближе.

Присутствие загадочного контейнера меня не столько настораживало, сколько интриговало. Стало до жути интересно, откуда он здесь появился и что скрывается внутри... Будто в ответ на эту загадку, Исток во мне вновь пришел в неистовство. Вернулись и злость, и жжение. А вместе с ними пришло и видение – размытый образ не то предмета, не то фигуры... пожалуй, все-таки фигуры. Высокой и укутанной в серебристый плащ. Только на этот раз от стража не веяло смертельной опасностью, лишь одиночеством и... тленом.

Я сам не заметил, как протянул руку, намереваясь коснуться крышки...

Мекет тут же перехватил мой порыв.

– Лучше не надо, – предупредил он сурово.

Разумеется, меня это не остановило.

– Я хочу поднять ящик на борт.

– Вот уж вряд ли.

Такая реакция не удивила. Бросив в сторону безучастной шаманки короткий взгляд, я сказал с нажимом:

– Ящик надо вскрыть. Это важно!

Брат и не думал спорить.

– Как и все, что с нами происходит, Мозголом. Но этой дряни на моем корабле не будет. Кто знает, что там внутри? Может, взрывчатка? Или ядовитый газ? Или какая-нибудь другая хитроумная подляна, которая сработает, едва мы его вскроем...

Доводы звучали вполне разумно, но не настолько, чтобы мое сознание перестала терзать мысль, что содержимое контейнера приготовлено специально для меня. И не в качестве угрозы, а как конкретное послание, способное многое изменить.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.